

Вся правда и ложь обо мне

Автор:

Эмили Барр

Вся правда и ложь обо мне

Эмили Барр

Эта невероятная жизнь

У Эллы Блэк есть все, о чем может мечтать любая семнадцатилетняя девчонка: друзья, любящие родители, учеба в престижной школе. Но это лишь на первый взгляд. Никто не подозревает, что всю свою жизнь Элла скрывает страшную тайну. Внутри нее таится другая, опасная и жестокая личность. Ее зовут Бэлла.

Накануне восемнадцатилетия родители неожиданно забирают Эллу из школы и отправляются в Рио-де-Жанейро – город, в котором она узнает шокирующую правду о себе. Справиться с таким открытием не каждому под силу, и помощи ждать неоткуда. Что делать? Бежать. Похоже, ничего другого Элле не остается.

Эмили Барр

Вся правда и ложь обо мне

Emily Barr

The truth and lies of Ella Black

© Сапцина У., перевод на русский язык, 2018

1

За 40 дней до ее смерти

Я дрожу и ежусь на скамейке, но не прочь немножко померзнуть, потому что занята. На коленях у меня пристроен альбом, в руке карандаш, а с моего места в парке видно здание Парламента. Я сижу, прислонившись к Джеку, который читает книгу. Я полностью поглощена своим занятием, правда, рисую не то, что перед глазами: я уже сделала пару набросков Биг-Бена, но сейчас выходит нечто иное.

– Долго тебе еще? – спрашивает Джек. – Нет, сколько тебе надо, столько и рисуй, но скоро дождь начнется, и...

Он ерзает, оборачивается и заглядывает в мой рисунок.

– О, – говорит он. – Это что, метафорическое толкование увиденного?

– Ну да.

– Элла Блэк заставила меня трястись от холода на скамейке битый час, чтобы нарисовать... Элли Блэк.

– Никакая это не Элла Блэк.

– Не хочу тебя расстраивать, лапуля, но, по-моему, это именно она.

Я смотрю на нее: похожа на меня, но не я. Жаль, что Джек не сообразил, в чем дело, но, впрочем, как бы он догадался. Конечно, если бы я все ему объяснила, он понял бы, но я ничего не объясняла и не собираюсь.

Нервно и коротко смеюсь. Он тоже.

– Как твоя книга? – спрашиваю я.

– Если честно – потрясающе. Апокалипсис в самом разгаре. Слушай, а знаешь, ты права. Это не совсем ты. Точнее, ты, но с бешеным взглядом. Как будто думаешь о том, что люто ненавидишь.

Я смотрю на него. Стараюсь дышать ровно.

– Да, – соглашаюсь я. – Вообще-то да. Так и есть.

– Ты ведь не обо мне думаешь?

Я смотрю на Джека: самый обычный с виду блондин и один из двух моих самых лучших в мире друзей. Честно говоря, кроме него и Лили, у меня и друзей-то нет.

Обожаю его лицо. Обожаю, что мы знаем секреты друг друга. Хотя на самом деле я знаю главный секрет Джека, а он все мои не знает. А может, он тоже доверил мне далеко не все. Скорее всего, так и есть.

– Конечно, не о тебе, балда, – говорю я.

Дождевая капля плюхается прямо на страницу и расплывается по нарисованному лицу. Я захлопываю альбом, Джек убирает свой апокалиптический триллер, мы бежим к большому дереву и прячемся под ним, глядя на дождь и на то, как люди открывают зонтики, набрасывают капюшоны, спешат неизвестно куда. А мы ждем, когда дождь немного утихнет, чтобы потом дойти до Трафальгарской площади и успеть на поезд домой, в Кент.

В Лондон мы удрали потому, что начались короткие каникулы. Все утро мы бродили по бесплатным выставкам, потом купили несколько книг, затем решили посидеть в парке, где я попыталась набросать симпатичный вид, а вместо этого нарисовала саму себя с бешеным взглядом – по понятным причинам. И я рада, что все-таки нарисовала.

К тому времени, как мы добрались до Чаринг-Кросса, начался час пик. А мы и не заметили, что уже так поздно, хоть я в буквальном смысле слова почти весь день пялилась на одни из самых знаменитых часов в мире.

– Как-то мы не рассчитали, – замечает Джек.

– И не говори.

Мы стоим и смотрим на толпу в здании вокзала. Здесь не протолкнуться, и не только из-за пассажиров, которые каждый день ездят на работу и обратно (хотя их здесь большинство), но и из-за школьников на каникулах вроде нас с Джеком, которые приехали посмотреть на Лондон, а потом забыли, что уезжать обратно поездом надо или раньше, или значительно позже. Если мы влезем в наш поезд, то доберемся до дома за сорок минут, но без особых удобств. Из нашего городка все ездят на работу в столицу, а после рабочего дня тысячами толпами возвращаются обратно.

На полпути домой у меня начинает звенеть в ушах. Я еду стоя, от Джека меня отделяют два офисных типа, которые сели на Лондонском мосту и до сих пор прикидываются, что они еще на работе. Один, наваливаясь на меня, читает какую-то финансовую муть на своем айпаде. Второй вцепился в поручень хваткой стриптизерши и с важным видом обсуждает по телефону собрание акционеров. А я твержу себе, что в голове звенит лишь потому, что я стою, устала и задолбалась. И даже мобильного нет, чтобы отвлечься, потому что я вчера его посеяла. А с Джеком не поговорить, потому что он слишком далеко. Приходится жить настоящим, а перед глазами все расплывается, потому что я стою, устала и задолбалась. Шепотом пытаюсь себя подбодрить. Никому до меня нет дела. Никто ничего не замечает.

Но когда мы уже бредем к моему дому, я понимаю: плохи мои дела. Напрасно я такое нарисовала. В ушах пронзительно звенит, хоть мы уже на воздухе, держимся за руки и выглядим совершенно нормально. За руку Джека я цепляюсь потому, что иногда ему удастся привести меня в чувство. Я стараюсь заставить звон умолкнуть. Вернуть себе равновесие с помощью энергии Джека.

Звенит громче.

Звенит

все

громче и громче.

И хотя я иду к себе домой, хотя я кажусь нормальной, я-то знаю: никакая я не нормальная, мне срочно надо в надежное место, в мою комнату, и закрыть дверь. Сейчас мне обязательно надо побыть одной.

Я сжимаю руку Джека, а он в ответ пожимает мою, потому что понятия не имеет, в чем дело. Тротуар темный от недавнего дождя, тучи снова сгущаются, но пока закат превращает небо в лиловый синяк, и все вокруг смотрится как на картине.

Пожалуйста, уходи, мысленно говорю я. Уходи сейчас же. Вернешься потом, попозже.

Из-за нее перед глазами начинает мелькать пятно – обычно таким способом она заявляет: НИКАКИХ «ПОПОЗЖЕ». СЕЙЧАС.

– Знаешь, – говорю я Джеку, – мне надо еще сделать домашку по рисованию.

Я стараюсь дышать ровно, будто все в порядке. Он, похоже, ничего необычного не замечает. Очень хочу узнать, видит ли он что-нибудь, особенно после сегодняшнего, но не спрашиваю, потому что он знает: я не хочу, чтобы он видел.

– Не смею более навязываться художнику, – отзывается он, театральным жестом вскидывает руку и прижимает ладонь ко лбу. – «Мне надо рисовать! Я живу ради своего искусства!» Намекаешь, что мне пора проваливать?

– А ты не против? Я не хотела тебя обидеть.

Давление у меня в голове нарастает. Надо спровадить его. Хорошо бы объяснить ему, в чем дело, но я не могу: не хватает духу. Обычно со стороны кажется, что об меня можно вытирать ноги – хоть затравить, хоть вообще не замечать. Это я стараюсь показать себя в лучшем свете: быть строптивой я не решаюсь, особенно в такие моменты – мало ли что. Девчонка с моего рисунка может

вырваться наружу и все испортить. И тогда для меня все будет кончено раз и навсегда.

– Но ты все-таки зайди на минутку, – продолжаю я, чувствуя, как Бэлла внимательно прислушивается к каждому моему слову, – а потом – ладно уж, так и быть, можешь проваливать. Просто мне вообще-то надо закончить картину, а я, знаешь, в таких случаях не очень-то общительная. Только Хамфри кое-как терплю рядом.

Джек смеется.

– Балуеть ты своего кота, – говорит он.

Дождь припускает снова, поэтому мы пускаемся бежать к дому, не расцепляя рук. Прносимся мимо какой-то женщины с длинными растрепанными волосами, сражающейся со своим зонтом, и мужчины, который ведет за руль велосипед, а на спине везет малыша. Малыш машет нам и кричит: «Я намочился!»

Я машу в ответ свободной рукой и чувствую, как Бэлла хватается другой рукой за Джека и старается ударить его током – желает ему смерти, потому что он нормальный и счастливый, а ей кажется, что так нечестно.

На самом деле Джек вовсе не нормальный и счастливый, но по сравнению с Бэллой – вполне. Я его обожаю. Все считают, что он мой парень, но на самом деле нет: он гораздо лучше. И нас обоих все устраивает.

А парень мне не нужен. Мне кажется, я вообще никогда не захочу отношений. Я учусь в пафосной школе для девочек, но большинство наших старшеклассниц живут в мире, в котором все вертится вокруг мальчишек. Это жалко и ужасно бесит, но я не настолько смелая, чтобы заявить об этом в открытую. По правде говоря, если бы я попробовала спорить с ними, сразу выскочила бы Бэлла и отлупила первую попавшуюся служанку огнетушителем, так что, наверное, даже к лучшему, что я держу язык за зубами.

Джеку нравится моя лучшая сторона – то есть единственная, которую он видит. Общение со мной помогло ему во многих отношениях, и на какое-то время он повысил мой статус, так что меня перестали считать мишенью номер один. Но продолжалось это недолго, вскоре девчонки из школы снова начали задирать

меня.

О том, что происходит со мной в школе, я Джеку никогда не рассказываю. Он только расстроится и разозлится, но от этого ничего не изменится, разве что счастья в его жизни станет меньше. А я хочу, чтобы Джек был счастлив. Только Лили знает правду и защищает меня, как может.

Когда мы врываемся в дом, мама стоит в прихожей, делая вид, что случайно тут оказалась. Она что-то держит в руках и многозначительно улыбается.

Я приглядываюсь.

– Мой мобильник! – ахаю я, и она, усмехнувшись, протягивает его мне.

– Его кто-то нашел, – объясняет она. – Позвонили из полиции, и я заехала за ним. Правда, думала, что и свой потеряла, но потом нашла. От такого опять начинаешь верить в лучшее, верно?

Мама говорит это просто потому, что так принято: веру она вряд ли утратит. До цинизма и разочарований ей далеко, но она старается всеми силами оберегать нас от любых опасностей, в том числе несуществующих. Я забираю у нее телефон и быстро проверяю: вроде ничего не изменилось, с тех пор как я видела его в прошлый раз – вчера утром, перед тем как потеряла в городе.

Мама вряд ли рылась в нем. Очень на это надеюсь.

Бэлл у меня в голове откашливается, требуя внимания. Я отпихиваю ее в сторону.

Если бы мама испытала шок, случайно узнав из мобильного подробности моей школьной жизни, она выглядела бы по-другому. А она просто рада видеть нас – меня и Джека. Ради нас она живет. Потому и ждет в прихожей, когда я вернусь домой, потому что я – ее жизнь. Стремно как-то. Мне-то, конечно, хорошо, вот только ее жалко, ей наверняка скучно живет. Иногда я пробую представить себе, что у мамы в голове творится то же самое, что и у меня, но ничего не получается. По-моему, нет у нее никакой темной стороны.

Она бы так расстроилась, если бы узнала, что со мной творится. Потому я ничего и не рассказываю ей. А Бэлла в эту минуту настойчиво долбится в мой череп изнутри, значит, мне пора делать ноги.

Едва мы входим в дом, мама запирает дверь за нами на все замки. Во всем мире не сыскать такого же безопасного дома. Сколько я себя помню, главным маминым занятием было оберегать меня. Ей обязательно надо убедиться, что мне ничто не угрожает – ничто, никогда, ни в коем случае. Забавно видеть, как она заметно расслабляется, увидев меня лежащей под одеялом в моей комнате, которая на самом деле – зона повышенной опасности.

Джек улыбается ей.

– Здравствуйте, миссис Блэк, – вежливо произносит он. – Вы чудесно выглядите.

Ей это ужасно нравится. Мама обожает Джека. Хочет, чтобы мы поженились и наделали ей кучу внуков. Милое заблуждение: этому, конечно, не бывать. Я бурчу себе под нос, потому что Бэлла уже у меня в голове и мне сейчас не до разговоров.

– Печеньку? – предлагает мама. – Я как раз испекла. Горяченькие, только из духовки.

Задерживаться ради печенья я не собираюсь, но его можно было бы приберечь для Бэллы – я же знаю, попозже ей наверняка захочется. Конечно, если это не печенье из спельты с бататами, какое мама пекла на прошлой неделе. Такого не захочется никому и никогда.

– Да, если можно, – соглашается Джек. Он рассчитывает, что печенье с кусочками шоколада, я-то знаю.

Он сворачивает следом за мамой в кухню, а я – вперед, прямиком в туалет, запираюсь, прислоняюсь к двери и пытаюсь отдышаться. Отделаться надо от обоих. Через несколько минут придется выпроводить Джека домой. Мою голову словно зажали в тиски. Перед глазами пляшут черные пятна.

Джек сидит за столом и заигрывает с мамой. Точнее, оба они заигрывают друг с другом. По-моему, Джек просто прикалывается. А как к этому относится мама, неизвестно. Она усмехается ему, строит глазки, вспоминает свою молодость, а он смеется над ее шутками и говорит ровно то, что она хочет услышать. Никого из них не заботит, что подумаю я, и хотя это полный отстой, я только закатываю глаза и отворачиваюсь.

Печенье с имбирем и изюмом. Почти то, что надо, поэтому я беру три штуки и заворачиваю их в бумажное полотенце.

– Извини, Джек, – говорю я и под маминым одобрительным взглядом подхожу и целую его в макушку. – Пойду порисую. До завтра.

Он смеется.

– Ага, до завтра, Элс. Не буду мешать.

– Да ты и не... – начинает было мама, но я взглядом заставляю ее замолчать, выхожу из кухни, набираю побольше воздуха в легкие и прыжками через две ступеньки несусь вверх по лестнице.

Я закрываюсь у себя в комнате и пытаюсь отдышаться. В голове звенит так громко, что ничего другого сейчас я не слышу и не услышу, даже если сработает пожарная сигнализация или завоет сирена в знак начала ядерной войны. Может, как раз сейчас что-нибудь в этом роде и происходит. Но мне все равно. Я закатываю рукава и разглядываю тонкие полосы на руках. Стыдно. Никогда больше так не сделаю.

Веди себя прилично, говорю я Бэлле.

ВЕДИ СЕБЯ ПРИЛИЧНО, передразнивает она. ВЕДИ СЕБЯ ПРИЛИЧНО. ВСЕГДА ВЕДИ СЕБЯ ПРИЛИЧНО.

Ой, перестань, пожалуйста.

ПЕРЕСТАНЬ, ПОЖАЛУЙСТА. ПЕРЕСТАНЬ, ПОЖАЛУЙСТА. ПЕРЕСТАНЬ, ПОЖАЛУЙСТА.

Оставь меня в покое.

ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ.

Оставь

меня

в покое.

ОСТАВЬ.

Я уже не знаю, где она, а где я.

Прикладываю ладони к щекам и разеваю рот в безмолвном крике, как на известной картине. Я просто хочу быть нормальной.

Ипускаю прерывистый вздох, кладу обе ладони на ковер, ощущаю твердый пол и себя в этот момент, себя в собственной комнате. Если за годы я и научилась чему-нибудь, то в первую очередь притворяться, а когда эта дверь закрывается, притворяться мне больше незачем. Можно выплеснуть все наружу.

Я вытаскиваю из-под кровати рисунки. Это скрупулезно выписанные взрывы ужаса. Полные смерти, увечий и кошмаров. Их нарисовала Бэлла, ей нравится разглядывать их. Может, удастся утихомирить ее этим способом.

Я зову ее Бэллой, потому что она – моя темная сторона. Элла, но не совсем. Бяка Элла. Бэлла. Я придумала это имя несколько лет назад, и мне чуть-чуть полегчало, потому что раньше я звала ее Чудовищем. Чему угодно можно дать имя, и станет немного лучше. «Бэлла» звучит лучше, чем «Чудовище». В то время я еще не знала, что «Бэлла» значит «прекрасная»: ничего прекрасного в моей Бэлле нет. Наоборот. Но все-таки она Бэлла.

Бэлла лезет вон из кожи, чтобы завладеть мной целиком, а я всегда настороже и старательно отбиваюсь. Иногда приходится выпускать ее, лишь бы избежать взрыва. Мне страшно, но после таких случаев я становлюсь спокойной, умиротворенной и, пожалуй, немножко счастливой. На время все приходит в

состояние равновесия. Тогда мы и принимаемся рисовать. Сейчас я смотрю на эти рисунки черной тушью: огромные листы с множеством мелких деталей, как у Иеронима Босха, но с вкраплениями современных реалий. Обезглавленные дети. Повсюду расчлененные тела. Кровь и убийства. Над этими рисунками мы трудились целую вечность, я надеюсь, что никто никогда не найдет их, но они – определенно лучшее, что я когда-либо рисовала.

Но сейчас она не желает разглядывать их. ПОПОЗЖЕ, говорит она.

Дышать трудно. В ушах звенит все громче. Я упираюсь ладонями в ковер и напрягаюсь. Вижу, Хамфри ждет. Он всегда приходит, когда появляется Бэлла.

– Съешь печеньку, – в отчаянии предлагаю я, разворачиваю бумажное полотенце и роняю печенье на ковер. Потом хватаю одно и засовываю его в рот, но Бэлла его выплевывает, потому что заметила кое-что получше печенек.

Хамфри притащил в мою комнату перепуганную птичку – видимо, как-то ухитрился пронести ее незаметно для мамы, которая подняла бы крик и прогнала бы его, если бы увидела. Птичка совсем крошечная. Наверное, птенец. Хамфри, должно быть, вытащил его из гнезда, и теперь этого птенца ищет мать.

Птичка хлопает коротенькими крылышками и пытается улететь, хоть Хамфри и успел здорово помять ее.

Мой кот часто ловит птиц. И он скорее на стороне Бэллы, чем Эллы. Он все знает.

Я подползаю к птенцу. Даже звон в ушах больше не слышу: только монотонный шум, заглушающий звуки привычного мира. Чувствую, как Элла отступает, и становлюсь Бэллой, и вот Элла уже ушла, что только к лучшему, потому что она ничтожество. Едва дыша, тянусь за молотком, который Элла держит у себя под кроватью. Этот маленький молоточек выглядит дамским и безобидным: когда мама нашла его, Элла объяснила, что он нужен ей для занятий лепкой, и мама сразу поверила.

Подхватив малявку за крыло, я сажаю ее на реферат по истории, который лежит на учебнике, а тот – на полу. Подправляю, поглаживаю пальцем.

– Привет, – шепчу я, и вот я уже целиком и полностью Бэлла.

Хамфри многозначительно смотрит на меня. Ему не терпится. Он негодяй и даже не пытается притворяться хорошим котом.

Я не свожу глаз с птицы и дышу все чаще.

Ничего не слышу. Ничего не вижу, кроме нее.

И уже знаю, что сейчас сделаю. Иначе не усаживала бы это пернатое и не доставала бы молоток. Я знаю, что сейчас сделаю, потому что ради этого и живу.

Мир темнеет, словно жуткая фотка с почерневшими краями. Птица, книга, кот, молоток. Все остальное меркнет.

Бэлла.

Меня тошнит, но это не нормальная тошнота. В том, что происходит, нет ничего нормального ни для кого, кроме меня.

Вижу, как птица пытается улететь, и понимаю, что больше она не полетит никогда. Я Бэлла, я способна на все. Я повелеваю жизнью и смертью.

Беру молоток, поднимаю его на нужную высоту, выжидаю, смакуя каждую секунду, и обрушиваю его на жалкое существо.

Чувствую,

как

оно

хрустит.

Вижу,

как

оно

плющится.

Внимательно разглядываю то, что от него осталось. Мое любимое занятие.

– Спасибо, – еле слышно шепчу я коту, и он наклоняет голову, словно отзывается: «Не за что». Как будто дает понять – «тут мы с тобой заодно».

Вот в этом и вся суть. Обожаю, когда добиваюсь своего. Хочу стать ею навсегда. Хочу, чтобы она перестала быть Эллой Блэк и разрешила мне остаться здесь, в ее теле. Тогда я буду делать все, что я захочу.

Белый шум затихает. А я стараюсь удержать его.

Ненавижу так делать, жалким голоском выговаривает Элла.

ПРОВАЛИВАЙ.

Мне страшно.

ВРЕШЬ ТЫ ВСЕ.

– Элла?

Голос прорывается сквозь шум, я съеживаюсь и почти исчезаю.

В ушах снова звенит, но уже гораздо тише. Я, Элла, сижу, скрестив ноги, возле кровати, напротив двери. Мне требуется несколько секунд, чтобы прийти в себя, понять, что я снова Элла, а не Бэлла, и когда я понимаю это, то запихиваю молоток под кровать и вскакиваю. Ноги трясутся. Сердце колотится так, что наверняка слышно даже внизу.

В дверях стоит Лили.

Озираюсь, хватаю ртом воздух, набираю его полные легкие, чтобы выдавить из себя все, что осталось от Бэллы. Я у себя в комнате. Розово-голубые стены, постеры с персонажами из аниме, мои наброски видов Рио-де-Жанейро. На полу моя одежда. На фотографии-коллаже мы с Лили и Джеком смеемся, дурачимся, по-утиному выпячивая губы, и обнимаем друг друга. Все выглядит нормально.

Все

выглядит

нормально.

Но я-то знаю: нет здесь ничего нормального.

Понятия не имею, что она видела. Не знаю, видела ли она, как Бэлла подняла молоток и грохнула птицу. Бэллы здесь нет. Ее нет. Лили ее не видит. Ей нельзя такое видеть. Нельзя. Я отгоняю мрак прочь, прочь, прочь.

Мысленно произношу слова, которые помогают мне прийти в себя. Они действуют только после того, как Бэлла добивается своего и собирается уйти.

Вселенная-Вселенная-Вселенная, повторяю я.

Вселенная.

Вселенная.

Вся

Вселенная.

Бэллу способно прогнать только одно – эта панорама космоса. Стоит мне задуматься о Вселенной и о том, какая я крошечная, все кажется поправимым, потому что ничто не имеет значения. Вообще ничто. Ни Элла, ни Бэлла. К сожалению, помогает это лишь после того, как она уже начинает уходить. Помешать ей прийти невозможно.

Этот фокус с Вселенной я узнала случайно. В то время мне было одиннадцать лет, я сидела в туалете на нижнем этаже и боролась со своим демоном, которого тогда почти не понимала. Прислонившись спиной к запертой двери, я отдирала от стены обои, потому что не могла взять себя в руки и мне надо было хоть что-нибудь испортить. Постепенно Бэлла начала отступать, а я прочитала строчку из стихов, которые до сих пор висят у нас на стене в нижнем туалете:

«Неважно, ясно тебе это или нет, нет сомнений в том, что Вселенная расширяется, как ей положено.

Нет сомнений в том, что Вселенная расширяется, как ей положено.

Вселенная расширяется»[1 - Макс Эрманн «Desiderata» (Здесь и далее прим. пер.).].

И Бэлла оставила меня в покое. Теперь я ограничиваюсь только словом «Вселенная». Повторяю его снова и снова.

Бэлла ушла.

У меня шевелятся губы, но кажется, с них не слетает ни звука.

Я должна быть хорошей.

Быть хорошей.

Быть нормальной.

Я

должна

быть

нормальной.

Улыбайся.

Надо

улыбнуться.

– А, привет, Лили, – говорю я. Голос слегка дрожит, но слова вроде бы те, что надо. – Эм-м... не входи!

Под конец я срываюсь, как раз когда она входит в комнату. Она замирает. Я делаю неуверенный шаг к ней и сажусь на кровать, потому что меня не держат ноги.

– Ой, Элла... – Лили прелесть. Она теряется: я раньше на нее не рявкала. – С тобой все хорошо? Мне твоя мама разрешила подняться к тебе. У тебя же теперь нет мобильного, вот я и зашла... – Я вижу, как она замечает мой телефон, лежащий на кровати. – А, так его вернули?

– Да. Вернули. М-м.

Будь нормальной.

– Извини. – Я тщательно выговариваю это слово так, как сделала бы Элла. – Кот притащил птичку. Ужас, как жестоко. Меня аж затошнило. Извини. Лучше не входи. Пришлось избавить ее от мучений. Я... была... вынуждена...

Приходить в себя слишком трудно. С каждым разом все труднее. Однажды я не справлюсь. Однажды застряну в Бэлле. Ей только того и надо. А я этого не вынесу. Только бы этого не случилось никогда.

Звон в ушах постепенно слабеет, потом почти умолкает. Мир снова обретает четкость.

– Вот дерьмо гадское, – отзывается Лили. Ей меня не понять, и я даже объяснять ничего не стану. Вдруг она не захочет больше дружить со мной, а она мне нужна. Она мне нужна. Она часто меня выручает, даже не подозревая об этом. – Ох, бедная Элла! У меня салфетки есть. Сейчас дам.

Она направляется ко мне. Хамфри припадает к полу, потом срывается с места, проскальзывает у ее ног и вылетает из комнаты на лестницу.

Я тяну Лили к себе, чтобы она села рядом со мной на кровать, и обхватываю ее лицо руками. Только бы она не увидела, что я натворила. От ощущения ее пружинистых волос между пальцами я успокаиваюсь. Я сейчас с Лили.

– Нет, правда, – говорю я, глядя ей в глаза. – Не смотри. Я сама все уберу. Может, сбегаешь вниз и попросишь у моей мамы пластиковый пакет?

У меня начинается икота. Только этого не хватало. Раньше с Бэллой было гораздо легче справиться. Я никогда не подпускала ее к Лили. Но в последнее время становится все хуже и хуже.

– Конечно. Вот дерьмо. Бедная ты бедная, Элла.

Она обнимает меня, и я всего на миг придвигаюсь к ней, уткнувшись лицом в ее плечо. Ее распущенные волосы щекочут мне лицо. Я льну к ней, а потом заставляю себя отстраниться.

Она выходит, а я берусь за голову. Это ужас, я так больше не могу. Джек, наверное, тоже задумался, почему я выпроводила его. А Лили вошла в мою комнату и застала там Бэлла. В следующий раз будет еще хуже, и об этом станет известно всем. В голове туман, не могу унять дрожь, но нужно обязательно убрать улики. Нельзя, чтобы Лили узнала, да и Джек тоже.

Им знать нельзя.

Им

знать

нельзя.

Не прикасаясь к несчастной расплющенной пичужке, я заворачиваю ее в реферат по истории. Меня трясет, из свертка вылетает перышко. Поддеваю

ногой валяющийся на пути учебник, пытаюсь собрать рассыпавшиеся перья, хотя вообще-то надо бы как следует пропылесосить ковер.

Мама обрадуется, увидев, что я ни с того ни с сего схватилась за пылесос. Так что в итоге все будут хоть немного довольны.

Возвращается Лили с пакетом, я сую туда сверток с птицей и почти все собранные перья.

– Сейчас, только руки вымою.

Лили завязывает пакет и несет его вниз, а я запираюсь в ванной и пытаюсь дышать так медленно, что даже голова кружится. Мою руки, не жалея мыла. Плещу в лицо холодной водой с мылом, потом мажусь увлажняющим кремом, чтобы кожа стала мягкой и гладкой. Снимаю с глаз макияж. Дышу. Вдох. Выдох. Глубокий вдох. Глубокий выдох. Закрываю глаза. Вспоминаю, как расплющила птичку. Бэлла обрадовалась, а Бэлла – часть меня.

Не хочу, чтобы такое доставляло мне радость.

Не хочу быть наполовину Бэллой.

Не хочу, чтобы она разрасталась во мне.

Не хочу быть человеком, который плющит птичек молотком.

Не хочу быть такой девчонкой.

2

37 дней

– Элла! – зовет она, стоя у подножия лестницы.

Я заметила: после того, что случилось в среду, ко мне в комнату Лили старается не заглядывать. Хватаю сумку и с улыбкой сбегая вниз по лестнице, готовая весь день быть хорошей.

– Привет!

Энтузиазма в моем голосе хоть отбавляй.

Она усмехается.

– Ты шикарно выглядишь.

Вообще-то нет, но с ее стороны это очень мило.

– Не я, а ты, – возражаю я. На ней джинсы-скинни и мешковатая белая рубашка. – Честное слово. Классика и красота.

Рядом с ней мне сразу кажется, что в своих легинсах и футболке с длинными рукавами я выгляжу зачуханно. Я чувствую себя ребенком, ну и ладно.

Мы с Лили лучшие подруги вот уже почти десять лет, больше половины нашей жизни. Подружились мы в восемь, когда нас поставили в пару во время школьной экскурсии на природу, а мы забрели в лес с листом бумаги и списком всякой всячины, которую надо собрать. Мы шли куда глаза глядят и все дальше уходили от базы. Мне хотелось заблудиться, чтобы посмотреть, что будет (в то время Бэлла тоже была младше и развлекалась чем попало), а Лили охотно согласилась, потому что она любит приключения.

Приключение получилось так себе, зато мы подружились.

Мы заглядываем в кухню, чтобы попрощаться с мамой и папой. Те сразу умолкают, и к лицам приклеиваются фальшивые улыбки. Лучше бы они нормально ссорились, а не переходили на шепот, завидев меня. Папа недавно ездил в командировку, поэтому сегодня у него выходной – значит, будут целый день шипеть друг на друга, просто супер.

– Привет, девочки! – говорит мама.

Папа поднимает глаза от газеты, как будто на самом деле зачитался. Мог бы и вверх ногами ее держать, все равно же видно, что не читал.

– Все в порядке? – спрашивает он.

Мама звенит посудой, что-то готовит. Лучше бы хоть изредка почитала газету, пока готовит папа, но нет. Разве их уговоришь? А мне хотелось бы видеть, как она хотя бы изредка дает себе передышку. Папа иногда предлагает подменить ее, но она упорно делает все сама, а нам разрешает только накрыть на стол или вывалить объедки червякам.

Да-да. У моей мамы действительно есть вермикомпост – компост, который делают червяки. Это все равно что держать триста питомцев, которые питаются нашими объедками и какают компостом. Обожаю их. Иногда снимаю крышку и подолгу на них глазею. Однажды Бэлла уговаривала меня залить их кипятком, и ради их спасения мне пришлось сломя голову броситься к себе в комнату и разрезать ножом один из своих рисунков.

Так вот, мама готовит. Она рослая блондинка, какой я была раньше (к сожалению, я по-прежнему рослая, но уже не блондинка). Когда мы проходим по кухне, она с сияющей улыбкой спрашивает:

– Супчику не хотите, девочки?

Лили отвечает:

– Большое спасибо, но нам уже пора к Молли.

– А пахнет вкусно, – добавляю я, хоть это и неправда.

Мамин чечевичный суп густой, как клейстер – прямо бери и клей обои. Однажды я прилепила им к стене свой набросок, просто чтобы посмотреть, приклеится он или нет, и он держится до сих пор. На этом наброске Хамфри охотится на мышь, он висит в простенке слева от окна.

Мамы в то время не было дома, вот мы с Джеком и веселились на всю катушку. Даже поспорили, отвалится рисунок или нет, а он не отвалился и висит уже

несколько месяцев. Мы хохотали до слез. Обожаю Джека.

Мама с папой старательно делают вид, будто бы мы вовсе не прервали очередной тихий спор, и от этого всем становится страшно неловко. Папа улыбается нам с Лили и переворачивает страницу. Обычно ладить с ним гораздо проще, чем с мамой: он занят своим делом и на мое жизненное пространство не претендует, а мне его нужно много. С папой можно говорить о чем угодно, и он охотно поддерживает разговор. Однажды он заявил, что абстракционизм – фуфло, а я объяснила ему, почему он не прав, он все понял и теперь так не думает.

– Вы кино смотреть? – спрашивает он.

– Ага, – говорю я.

– Сегодня «Психо», – отвечает Лили.

– Ага, мотель Бейтсов, – кивает папа.

Я не отвечаю. Лили подыгрывает ему за нас обоих, напевая музыку из сцены в душе, а папа замахивается, будто сейчас ударит ножом, и я замечаю, что целится он в маму.

Мы садимся на велики и уезжаем. Обожаю кататься на велосипеде. Ветер треплет волосы, даже когда на голове шлем. А потом приятно ноют мышцы ног и кажется, будто сделала что-то хорошее. Иногда ездой на велосипеде мне даже удастся отогнать от себя Бэллу.

Я еду следом за Лили, волосы которой пружинисто выбиваются из-под шлема, думаю о том, что мама с папой как-то подозрительно легко и радостно отпустили меня сегодня из дома, и понимаю, что они, наверное, просто хотят без помех продолжить свою тайную ссору. Я всегда радовалась, что мои родители не в разводе, как у других, потому что я бы лучше уж пожила с папой (а скорее всего, пришлось бы жить с мамой), но теперь мне хочется, чтобы они уже наконец развелись. Мне семнадцать, так что я смогу жить, где захочу. Понятия не имею, что происходит и почему, но даже думать не хочу, что у кого-нибудь из них роман на стороне, так что, пожалуй, пусть разбираются сами.

Лили не виделась со своим отцом с восьми лет, хотя до сих пор получает от него деньги. Ужас, наверное, но она говорит, что больше ничего не знает, и ей этого достаточно, и она на самом деле счастлива и всем довольна.

Пару часов спустя мы сидим в огромной гостиной у Молли, а в «Психо» вот-вот начнется самое захватывающее. Здесь я не могу расслабиться: я же знаю, что попала сюда только потому, что я с Лили. Главные здесь – Молли, близнецы и Лили, а я – так, сбоку припека, поэтому тихонько сижу на пухлом диване рядом с Лили и прижимаюсь ногой к ее ноге, чтобы не так волноваться. Минуту назад папа Молли поставил перед нами миску с шоколадным драже «Молтизер», а сейчас миска уже наполовину пуста, и почти все слопала я на нервах. Остальные тарасились в экран, так что даже ничего не заметили. Придется лишний раз потренироваться, чтобы сжечь калории. Молли разозлится, если увидит, что все вкусняшки умяла я.

Я знаю, меня здесь не любят, потому что я нудная, зашуганная и неловкая. Хотя и кажется, что я одна из них (или была когда-то), на самом деле я не такая. Я или молчу, или ляпаю что-нибудь невпопад, и остальные делают вид, что я – пустое место. Зато до ненависти с их стороны не доходит, и то ладно.

Молли поступает на киноведение, поэтому теперь старается пересмотреть знаменитые фильмы всех времен, чтобы потом со знанием дела рассуждать о них на собеседованиях и получить приглашение в любой колледж, куда захочет. И мы смотрим вместе с ней (точнее, Молли пригласила посмотреть кино вместе с ней Лили и близнецов, а Лили позвала с собой меня), потому что все мы в следующем году разведемся на учебу, а им хочется, что все вокруг считали их крутыми и стильными киноманами. И мне тоже хочется, но в первую очередь просто нравится иногда расслабиться и посмотреть кино. Когда я окунаюсь в чужие проблемы, мои собственные отступают на второй план. То же самое и с книгами, и с рисованием.

Но думать об отъезде на учебу как-то странно. Я не Молли, я понятия не имею, чем хочу заниматься и кем быть. Если уж поступать, то разве что в школу искусств, но с таким образованием карьеру не сделаешь (по крайней мере, если верить школьным консультантам по профориентации). Как бы там ни было, не могу дожидаться, когда уеду отсюда, потому что здесь у меня есть только Лили и Джек, а больше никому до меня нет дела, и может, чем дальше я свалю от Кента, тем лучше. Может, тогда я стану полноценной Бэллой, а может, наконец

сумею победить и уничтожить ее. И смогу все время быть Эллой. Быть хорошей.

Я делаю глубокий вдох. Может, и мне стоит поступать на киноведение. Этот фильм мне нравится. Конечно, было бы неплохо, если бы они перестали болтать, но сказать им об этом я не решусь.

А Лили, как назло, уже рассказывает им про ту птичку. В тот раз промолчала, а теперь рассказывает.

– Боже, Элла! – У Молли такой вид, будто она меня немного боится, и, наверное, стоило бы. – Офигеть просто. Птичка, значит, попадает в беду, а избавляет ее от страданий не кто-нибудь, а Элла Блэк!

И она вместе с близнецами покатывается со смеху. Я смотрю на Лили. Она одними губами выговаривает: «Извини».

– Но вообще-то, – заявляет Ниша, – это очень мерзко. Я бы так точно не смогла. – Она смотрит на меня как на чудовище – значит, по школьной комнате отдыха эта история распространится мгновенно, как лесной пожар, и от этого жить мне станет еще труднее. Я точно знаю, что станет.

Пытаюсь беззаботно улыбнуться ей в ответ, но чувствую, что улыбка выходит кривой.

– Я просто сделала то, что должна была, – говорю я, – ради бедняжки.

Кажется, я нашла верные слова. В компании альфа-девчонок мне все время приходится следить за языком. Всего один неверный шаг, пусть даже самый крошечный, – и они сорвутся с цепи. Эти еще далеко не самые плохие, но они все равно опасны и жутко болтливы.

На секунду представляю себе, что было бы, если бы я объяснила им: на самом деле птичку убила не я, а мое второе «я», Бэлла. Чудовище у меня внутри, которое время от времени завладевает мной и с каждым разом нагнетает все сильнее, чем пугает меня. Мое объяснение было бы началом конца. Уже через пару минут моя дурная слава гремела бы не только по всей школе, но и далеко за ее пределами.

Героиня фильма как раз идет в душ, значит, сейчас будет знаменитая сцена. Все, кажется, теряют интерес ко мне, глядят в экран не отрываясь, звучит та самая музыка, и Джанет Ли убивают.

– Элла, прости, пожалуйста, – шепчет Лили прямо мне в ухо. – Я не думала, что они...

– Да ничего, – перебиваю я. – Честное слово.

Это правда. Я могла бы обидеться на нее за то, что она разболтала им про птичку, но не буду. Она просто хотела, чтобы мне посочувствовали, и не ее вина, что не получилось.

Она берет меня за руку.

– Ты прелесть.

До конца вечера я изо всех сил стараюсь быть хорошей. Я всегда так делаю. Я боюсь гадости, которая живет во мне, а тут еще и Лили застала меня, пока мной управляла Бэлла, так что теперь нужно стараться еще усерднее. Я думаю лишь о том, как быть доброй и отзывчивой, хоть никому до меня и нет дела, кроме Лили. Подсаживаюсь к Молли, обсуждаю с ней сочинение по «Сыновьям и любовникам», которое я в отличие от нее уже написала, и она принимает мою помощь и даже говорит «спасибо». По-моему, это прогресс.

– Зачем ты себе волосы испортила? – спрашивает она, пока мы трудимся бок о бок, поддевает прядь моих волос пальцами и с отвращением разглядывает ее.

Я пожимаю плечами.

– Хотелось попробовать что-нибудь новенькое, – говорю я.

Так нагло я еще ни разу не врала. Раньше волосы у меня были длинными и белокурыми, как у Молли, а теперь они асимметричные (подстрижены с одной стороны гораздо короче, чем с другой) и лиловые. Асимметрия появилась после жуткого конфликта в школе с Тессой, хобби которой – максимально усложнять жизнь всем, кто не вписывается в ее компанию. А лиловый – условие договора,

который я заключила с Бэллой, чтобы та не отобрала у Тессы нож и не напала на нее. А окружающим я говорю, что мне захотелось чего-то новенького и я и впрямь люблю лиловый цвет. Раз уж я не такая, как все, значит, и внешне надо выделяться.

– Ну-ну, – Молли ухмыляется.

А я жду не дождусь, когда наконец унесу отсюда ноги.

– В общем, миссис Морел держит Пола под контролем даже после своей смерти, – объясняю я. – Вот что я написала. Так пишут в Интернете. Она разрушает все его отношения, чтобы он никогда и никого не любил больше, чем свою мамочку.

– Слышишь, Ануша? – окликает Молли. – Как будто про Дина сказано.

Все смотрят на Анушу и смеются над ее парнем, а я довольна, что от меня наконец-то отвязались.

3

35 дней

– Лили! – вызывает миссис Браунинг. – Может быть, ты ответишь?

Я перевожу взгляд на Лили. Она ковыряет ноготь, упорно не поднимая глаз. И понятия не имеет, что надо отвечать. Я знаю, что даже вопроса она не слышала, потому что под партой в блокноте рисовала себя в образе героини из манги. Кожу раскрасила светло-коричневым, волосы сделала розовыми, а глаза – огромными. И подписала внизу: «Лили-тян».

Нам полагается вести себя разумно, ведь это наш последний школьный год. Мы уже взрослые. К учебе мы должны относиться серьезно, потому что это наша обязанность. А не зевать, бездельничать и рисовать картинки под партой, но мы, конечно, как раз этим и занимаемся, ведь это же школа, мы провели здесь уже

много лет, и она осточертела нам.

– Извините... – бормочет Лили.

Остальные приглушенно хихикают.

– Лили, отвечай на мой вопрос по тексту. В этом году выпускные экзамены. Если ты не в состоянии ответить на элементарный вопрос, тебе не следовало выбирать этот предмет.

Миссис Браунинг – хорошая учительница, она мне нравится. Только мне, наверное. Но я не люблю, когда она цепляется к Лили, которая на английском витает в облаках, потому что понятия не имела, какой предмет выбрать третьим, и выбрала английский только со мной за компанию. Сердце Лили отдано вовсе не английскому, и хотя я знаю, что она умеет сосредотачиваться, как никто другой, на уроках миссис Браунинг предмет ее сосредоточенности – не учебник, а посторонние мысли, как правило о музыке и театре.

И вот теперь она ерзает на стуле, оправляет юбку и смотрит в книгу, лежащую перед ней. На всякий случай я забираю у нее из-под парты рисунок. Дождь сменяется градом, частые градины барабанят в окна. Через год нас здесь уже не будет, а миссис Браунинг так и останется сидеть за своим столом и расспрашивать учеников, витающих в облаках, о книгах, которых они не читали. Жаль, что нельзя поделиться этой мыслью с Лили прямо сейчас.

«Сыновья и любовники» я читала. Мне нравится. Я слышала вопрос. Прокашлявшись, я выпаливаю быстро, чтобы не передумать:

– Миссис Морел ревновала Пола к Мириам, и это...

– Нет, Элла, спасибо, я спрашивала Лили. Что ты знаешь ответ, мне известно.

Тишина становится осязаемой. Сгущается, повисает в воздухе, как туман. В этом классе нас всего десять, и я, оглядевшись, вижу, что все остальные старательно отводят глаза, лишь бы не прицепились и к ним.

У меня звенит в ушах, начинается лихорадочный внутренний торг с Бэллой. Уступать ей в школе нельзя. Просто нельзя. В классе она еще ни разу не появлялась и никогда не появится.

ТОРТ.

Нет.

ДРУГОЙ ЦВЕТ ВОЛОС.

Нет. Позже. Мы что-нибудь придумаем потом.

ОТОМСТИ УЧИЛКЕ. ОНА ОБИДЕЛА ЛИЛИ.

Учительнице мстить нельзя.

Миссис Браунинг, не подозревая о том, какая опасность ей угрожает, смотрит на Лили в упор, а Лили втягивает голову в плечи, не сводя взгляда с собственных коленей. Никто не имеет права так обращаться с моей лучшей подругой. Лили – ангел. Мое поле зрения сужается.

В школе это недопустимо. Так нельзя. Раньше такое случалось лишь однажды, и я продержалась только потому, что заперлась в туалете и просидела там одна, пока Бэлла не сдалась. Только не сейчас и не здесь, в классе. Нет. На периферии зрения все уже черным-черно, я отчаянно напрягаю глаза, чтобы очертания предметов снова стали четкими.

– Отличная у вас сегодня прическа, мисс, – говорит Бэлла учительнице моим ртом.

Я в ужасе. В классе я говорю, только когда меня вызывают. Ничего подобного я раньше не вытворяла.

Миссис Браунинг трогает свои волосы, прилизанные и неухоженные, как всегда.

– Ну что ж, я, к сожалению, не могу ответить тебе тем же, Элла, – отзывается она и поджимает губы.

– Но это же правда. Где вы делали укладку?

Все смотрят на меня, вытаращив глаза.

– Лили, отвечай на вопрос.

– На вопрос? – еле слышно лепечет Лили.

Я закрываю глаза и делаю несколько нарочито глубоких вдохов и выдохов, потому что не могу позволить Бэлле выкинуть еще что-нибудь. Мало ей было надерзить миссис Браунинг. Я уже предчувствую, что будет дальше. На меня накатывает изнутри. Я не успеваю водить из стороны в сторону взглядом, чтобы перед глазами не расплывался туман. И становлюсь Бэллой. Мне хочется наброситься на миссис Браунинг. Хочется закричать. Так и тянет ее ударить.

ДЕРНИ ЕЕ ЗА ВОЛОСЫ.

Нельзя.

ВЫБРОСИ ЕЕ СУМКУ В ОКНО.

Нельзя.

УДАРЬ КУЛАКОМ.

Надо держать себя в руках.

ЛАДНО, ПОМОГИ ТОГДА ЛИЛИ. ТЫ ВЕДЬ ЛЮБИШЬ ЛИЛИ БОЛЬШЕ ВСЕХ. ТЫ СМОЖЕШЬ.

Мы с Бэллой заключаем предварительное соглашение.

Я открываю под партой блокнот и начинаю царапать в нем, не забывая глубоко дышать, отгонять звон в ушах и туман перед глазами. Сосредоточиваюсь только на словах, дописываю, подталкиваю блокнот Лили, она быстро пробегает взглядом мои записи и говорит:

– Миссис Морел ревновала Пола к Мириам и Кларе и этим негативно влияла на него. Так что хоть она и умерла, я готова поспорить, что она все равно победила.

Браунинг закатывает глаза. Я вижу, что ее так и подмывает с возмущенным видом покинуть класс, хоть до звонка еще двадцать минут. Надеюсь, все-таки уйдет. Пусть уходит. Этим все и кончится.

– Ты готова поспорить – да, Лили? – уточняет она.

– Да, мисс.

– Элла, Лили ты нисколько не помогла, – заявляет она. – Да, я знаю, что ты прочитала эту книгу и в состоянии доказать свою точку зрения. Но ты не сможешь ответить за Лили на экзаменах, верно? Ей придется или подготовиться самой, или отказаться от этого предмета. Но если она не удосужилась прочитать совсем нетрудный роман – или хотя бы несчастные «Йорк Ноутс»! [2 - York Notes – серия учебных пособий по произведениям, входящим в программу по английской литературе.] – значит, в этом классе ей делать нечего. А что касается твоих дерзостей, о них мы поговорим потом.

– Лили получит высший балл, – объявляю я, дотягиваюсь до ее руки под столом и пожимаю ее.

Она отвечает на пожатие, цепляется за мою руку. Вселенная-Вселенная-Вселенная. Это я пытаюсь отогнать Бэллу. И не отпускаю руку Лили.

Дышать становится легче. Я уже слышу как полагается и вижу тоже. А самое лучшее – это ни с чем не сравнимое облегчение. Прикрыв глаза, я радуюсь, что снова могу себя контролировать. Бэлла исчезла, я никому не причинила вреда. Даже себе.

Урок тянется еще пятнадцать минут, одновременно нудных и напряженных, потом я беру Лили за руку, и мы вдвоем выходим из класса. С другой стороны от Лили шагает Молли (вот только где она была, когда Лили требовалась поддержка?), никто из нас не оглядывается. Мы идем напрямик в комнату отдыха.

Лили смаргивает слезы и нерешительно смеется. Я замечаю, какой маленькой она кажется в последнее время. Мне хочется отплатить ей за постоянную заботу обо мне.

– Вот гадство, – говорит Лили. – И ведь она права. Я же понимаю. Я собиралась прочитать эту книгу. И... не стала.

– Так прочитай, – тихонько советую я, – и все будет в порядке. Ты обязательно получишь высший балл, а потом школа для нас кончится. А учителя так и останутся здесь до самой смерти.

Лили слушает и улыбается.

– Кофе? – предлагает Молли нам обеим.

– Конечно!

Меня все еще немного потряхивает, но, кажется, на меня вообще никто не смотрит. Мы с Бэллой пришли к компромиссу, так что почти все в порядке. Вот только не вляпались мы чудом. Если бы я сделала так, как хочет Бэлла, и ударила учителя, меня бы мигом исключили. Даже думать об этом и то мучительно.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы такое повторилось.

Но как это сделать, я не знаю. Становится все хуже, а не представляю, как положить этому конец. Бэлле хочется вылезать наружу каждый день. Требуются почти все силы, чтобы запихнуть ее обратно. Мне уже кажется, что это невозможно.

Я смотрю, как Молли выливает старый кофе из кувшина и заново наполняет фильтр. Комната отдыха для учеников просторная, с диванами и креслами-мешками, с кухонным уголком, где есть чайник, кофемашина и холодильник, от которого воняет тухлым молоком. А вся комната пропахла кофе и дезодорантом. Здесь всегда полно девчонок, которые или расслабляются вовсю, или лихорадочно доделывают домашку, пока ее не накопилось слишком много, или переживают кризисы и разрывы – в одиночку, вдвоем, в компании. Я точно знаю:

все мы здесь не без тараканов. Но, наверное, только у меня вместо них целый демон.

Не хочу торчать здесь. У меня на тумбочке у кровати лежит список мест, где я бы не отказалась побывать. Его видел только Джек. В то время, когда составлял свой список. Наши списки были не трагическими «предсмертными», как у неизлечимо больных детей, – мы просто перечислили места, куда нам хотелось бы съездить. Последние два пункта я добавила, когда осталась одна. Мой список гласит:

СПИСОК ЖЕЛАНИЙ ЭЛЛЫ

1. Съездить в Рио, особенно на пляж Копакабана. Нарисовать его с натуры, а не по фотке.
2. Побывать на каком-нибудь тропическом острове с песком и пальмами. Найти пляж, который будет полной противоположностью тому корнуолльскому, куда мы ездили в прошлом году.
3. Пожить в огромном вдохновляющем городе, например в Нью-Йорке.
4. Найти работу и зарабатывать деньги каким-нибудь интересным делом, которое приносит удовлетворение, и стать независимой от родителей.
5. Уехать подальше от моей жизни в Кенте. КУДА УГОДНО, ТОЛЬКО ПОДАЛЬШЕ ОТ ДУРАЦКОЙ АНГЛИИ И МОЕЙ ДЕПРЕССИВНОЙ ЖИЗНИ.
6. Быть кем угодно, только не Эллой Блэк, потому что я УЖАСНО СКУЧНАЯ.
7. Научиться соседствовать с моей темной стороной.

Мы так смеялись, пока составляли эти списки. У Джека он прямо лопался от скандальных идей, и могу поспорить, что несколько пунктов он добавил уже в

мое отсутствие.

Свой список я переписывала несколько раз, это его нынешнее воплощение. Каждый раз, когда я пытаюсь придать ему сдержанность, Бэлла отнимает у меня ручку, вносит свои мысли, и все заканчивается вспышкой раздражения и гнева. А я планирую подать документы в какие-нибудь крутые университеты и школы искусств (само собой, не настолько крутые, как в Рио или Нью-Йорке) и, наверное, пройду в несколько сразу. Я хорошо учусь, этим летом я буду сдавать на аттестат повышенного уровня английский, искусство и историю.

Не хочу вкалывать, не поднимая головы, только чтобы попасть в университет, а потом найти какую-нибудь скучную работу, как папа, и уже ничем другим, кроме работы, не заниматься. Здесь никто даже не подозревает, что я авантюристка: я шифруюсь. А сама только и жду, когда избавлюсь от всего, что мне сейчас известно. В этой комнате отдыха мне не место. Во всем мире у меня только двое друзей – Лили и Джек. Хочу сбежать от всего сразу: от тех, кто считает меня жалким ничтожеством, от Бэллы, от мамы, которая так и норовит запереть дверь на все замки, как только я благополучно окажусь дома. Хочу свободы.

– Спасибо, Молли, – говорю я и беру заляпанную кружку с черным кофе, которую она протягивает мне.

Это целое событие: Молли принесла мне кофе! Все потому, что я по-хамски вела себя с миссис Браунинг. Я широко улыбаюсь Молли и отпиваю глоток: кофе горячий, довольно мерзкий – в общем, какой мы обычно пьем.

– Ну, Элла, – говорит Молли, – это было что-то! – В ее глазах читается что-то вроде восхищения. – Без шуток, – она поворачивается к близнецам, которые не ходят на английский. – Браунинг привязалась к Лили. А тут Элла такая: «Отличная у вас сегодня прическа, мисс».

– Элла?! – ахает Ануша.

– Представляешь, да?!

Все, кто нас слышит, взрываются хохотом. И я стараюсь подыграть им улыбкой. Все тот же случай пересказывают снова и снова – для тех, кто не слышал в первый раз. Я сжимаюсь на своем месте и переглядываюсь с Лили.

– Ты ничего? – тихонько спрашиваю я.

– Ага, – кивает она, – все хорошо. Но с чего вдруг тебя прорвало – «отличная у вас прическа, мисс»?

Она хихикает, я тоже, и мы обе смеемся. Даже не замечаем, как в комнату входит учительница, и спохватываемся, только когда она уже почти рядом.

Вообще-то на учителей в комнате отдыха никто не обращает внимания. А они, когда заходят сюда, стараются держаться по-свойски, будто относятся к нам как к взрослым. И потому от них можно услышать: «Привет, девчонки!» и «А, расслабляетесь!». Они ведут себя немного развязно, чтобы показать нам, что когда-то тоже были молодыми, хотя в это не очень верится.

Но сегодня наша классная, миссис Фиппс, вроде бы вообще не собирается выяснять, что там и как у ребят. Она смотрит прямо на меня.

Миссис Браунинг предупредила, что про мои дерзости мы еще поговорим, так что я ждала чего-то подобного. Меня бьет дрожь. Я же всегда веду себя примерно.

– Элла! – говорит Фиппс. – Элла, пойдем со мной, пожалуйста. Сумку и куртку возьми с собой.

Широко раскрыв глаза, я переглядываюсь с Лили и Молли, чтобы они не заметили, как я вся похолодела. Меня отправляют домой за то, что я нагрубила учительнице. Я подхватываю сумку, отбрасываю назад волосы с длинной стороны и пробую улыбнуться.

– А куртку? – напоминает Фиппс.

Смотрит она на меня как-то странно. Нервирует взглядом. Обычно она меня любит. Даже говорит порой: «Хорошо, что есть хотя бы ты, Элла», и от этого остальные ненавидят меня еще сильнее.

– Вообще-то... я без куртки? – говорю я вопросительным тоном, слегка растягивая слова по-австралийски: я слышала, так делают другие девчонки,

когда хотят побесить учителей.

Они терпеть не могут, когда утверждение звучит как вопрос. Я просто не знаю, что еще делать. У меня колотится сердце.

– Правда?

– Правда.

Она собирается добавить еще что-то, но умолкает. Платье на ней уродское, Лили за ее спиной тычет в него пальцем и гримасничает, переглядываясь с остальными, а те хихикают.

Все вокруг пялятся на меня, и мне хочется удрать. Не поднимая головы, выхожу из комнаты вслед за Фиппс. Задира Тесса вскидывает голову и закатывает глаза, когда я прохожу мимо.

Я вдруг замечаю, что делаю шаг в сторону, чтобы пнуть ее сумку.

Во мне шевелится Бэлла.

Я выхожу из комнаты отдыха навстречу неприятностям.

В директорском кабинете ждет моя мама. Она сидит на стуле для посетителей, а наша директриса миссис Остен, как обычно, прихлебывает из бутылки с этикеткой «Вода», хотя всем известно, что обычно внутри водка. Обе хмурятся.

Ну знаете, это уже перебор.

Представляю себе, как буду втолковывать им: «Это не я. Это Бэлла. Она вроде как демон, который живет у меня внутри. Там она сидит с тех пор, как я себя помню, а ты думала, что у меня просто детские истерики. Когда мне было лет семь, я поняла, что про нее никто не должен знать. Честно говоря, до шести лет я себя плохо помню. Наверное, я была таким противным ребенком, что пришлось стереть мне память». И тогда можно считать, что все пропало. Родители, наверное, отправят меня в какую-нибудь пафосную психушку, где мне придется высиживать сеансы групповой терапии, пока кто-нибудь из врачей не поверит,

что я «исправилась». Вся школа будет несколько недель только обо мне и сплетничать, как бывает, когда кто-нибудь загремит лечиться от анорексии, и я сюда больше никогда не вернусь.

– А вот и она, – объявляет Фиппс, остановившись в дверях и положив мне руку на плечо.

Наверное, чтобы я не сбежала, хотя с виду вроде бы это жест ободрения. Мне хочется яростно стряхнуть с плеча ее руку, но я, конечно, не могу. Вообще-то Бэлла уже приглядывается к школьному кубку на полке за спиной миссис Остен, примеривается, как бы отметить им присутствующих, но сейчас она почти полностью под моим контролем.

– Видимо, для шестиклассниц ливень с градом – еще не причина являться в школу в куртке, но сумка у нее с собой.

– Благодарю, Сара, – отзывается миссис Остен, дверь закрывается, щелкает замок, и мы остаемся в кабинете втроем.

И зачем тут моя мама? Да, я разговаривала с учительницей грубо, но это же в первый раз, и потом, не так уж сильно я ей нахамила. Я защищала подругу и всего-то и сказала: «Отличная у вас прическа». А они вызвали мою маму. Они вообще понятия не имеют, что еще легко отделались.

Вообще

никакого

понятия.

Мама глядит на меня с самым странным выражением лица, какое я у нее видела. Мокрые от дождя волосы облепили голову. Она тоже без куртки.

Я жду, когда кто-нибудь заговорит, но обе молчат. Нет уж, подавать голос первой я не собираюсь. Пауза затягивается, я чувствую это. Все мы в подвешенном состоянии и чего-то ждем. Так тому и быть. Что-что, а молчать я умею. Легко. И Бэлла пока довольствуется тем, что наблюдает.

– Элла, – мама не выдерживает, – Элла, дорогая. Нам пора. Немного неожиданно, так что извини, дорогая.

– Не понимаю, что я такого сделала, – я обращаюсь к миссис Остен. Слова сыплются одно за другим. – Это несправедливо. Да, я немного нагрубила миссис Браунинг, но...

Я умолкаю, потому что вижу по лицам обеих, что они совершенно не понимают, о чем я говорю. Я только что признала свою вину, о которой они не знали.

– Нагрубила? – переспрашивает миссис Остен, склонив голову. У нее стрижка «под горшок», она похожа на Ангелу Меркель. – Это на тебя не похоже, Элла. Но миссис Браунинг тут ни при чем, – по ее лицу видно, как ей хочется задать важный вопрос, но она удерживается. – Твоей маме надо забрать тебя, дорогая, – она кивает в мамину сторону.

– Да. Элла, дорогая! Нам надо уехать прямо сейчас. Твоей вины тут нет нисколько. Конечно же, нет. Но не следовало тебе грубить учителям...

Ее голос угасает, отдаляется. Видно, в каком она сильном стрессе. Я сочувствую ей, но вообще перестаю понимать, что происходит.

– Куда мы едем?

– По дороге объясню. Туда, где ты будешь счастлива. Только надо поспешить, иначе мы не сможем...

Я смотрю на маму в упор. Она отводит глаза. Мне надо, чтобы она договорила, объяснила мне, чего мы не сможем. Все мое тело напрягается. Не знаю, что происходит, но ужасаюсь при мысли, что она могла найти мои спрятанные под кроватью рисунки – мрачные, как темная сторона у меня внутри.

Если она их нашла, значит, потащит меня прямо к какому-нибудь психиатру. Я-то знаю. Причина наверняка в чем-то важном. «Только надо поспешить, иначе мы не сможем... попасть на прием»?

Теперь все откроется. Я так старалась отгородиться от Бэллы, а теперь вся моя жизнь будет разбита вдребезги. Вот почему с семи лет, как только я поняла, насколько я плохая, я изо всех сил старалась скрывать это от всех. Я с дрожью во всем теле жду, когда звон в ушах начнет усиливаться, потому что знаю: по такому случаю молчать в тряпочку Бэлла не станет.

– К сожалению, уезжаем мы сейчас же, – говорит мама и сжимает губы. Моя мама обычно одевается как хиппи, но сегодня постаралась нарядиться поприличнее – я сразу заметила. На ней легкое платье в цветочек и ожерелье с подвеской-ракушкой, которое она надевает на свадьбы и родительские собрания.

По выражению ее лица я пытаюсь определить, боится ли она меня. Родители даже не представляют, что творится у меня в голове, и просвещать их я не намерена. Хватит и того, что я всеми силами стараюсь убедить их, будто бы я неуклюжая, застенчивая (и то и другое – чистая правда) и другой никогда не бываю.

Мама беспокоится обо мне. Отмалчивается, осторожничает. Наверное, отвезет меня в какую-нибудь клинику.

Я всегда знала, что ради меня она готова на все – в строго определенных рамках. Например, когда я захотела учиться играть на гобое, она немедленно все устроила. Балет – однозначное «да» (так и было много лет подряд), а чирлидерство – «нет». А если бы я пожелала записаться на прием к психологу и рассказать о чудовище у меня в голове, мама, наверное, вылезла бы вон из кожи, чтобы убедить меня, что в этом нет абсолютно никакой необходимости.

Мама могла бы распорядиться своей жизнью как угодно, потому что она умница и прелесть, но она только и сделала, что обзавелась одним ребенком, а затем приковала себя цепями к кулинарной книге с рецептами полезных блюд и комоду с материалами для поделок. И отказалась от всего остального. За это я вроде как уважаю ее. И люблю за то, что она посвятила всю жизнь мне. Разве можно за такое не любить? Мама ждет, когда папа придет домой с работы, и ставит перед ним полезную еду. Она покупает мне все, что нужно для рисования. Заботится о нас. И считает, что это ее работа. И если я благодарю ее за то, что подвезла, или еще за что-нибудь, она так и отвечает: «Да не за что. Это же моя работа».

Она могла бы заниматься чем угодно, а вместо этого решила заботиться обо мне. Если у меня когда-нибудь будет ребенок, я ни за что так не сделаю. Об этом мы уже говорили, правда, ни разу не поспорили. Мама говорит: «Феминизм – это в том числе возможность выбора, вот я и выбрала остаться дома». А я объясняю, что это немного похоже на отговорку, потому что такой выбор можно сделать, только если у тебя есть муж, который обеспечивает тебя, пока ты сидишь дома, но вместо того чтобы заспорить и отстоять свою точку зрения, она соглашается: «Да, дорогая, ты, пожалуй, права».

Она уже на ногах.

– Ну, Элла, – говорит она, – нам пора уезжать. Немедленно.

Не знаю даже, с чего начать.

– Мама, я же в школе. У меня уроки и все такое. В четыре увидимся, ладно?

Я жду поддержки, но напрасно. Я вдруг понимаю, что меня вызвала сама директриса. Значит, случай экстренный. Просто так, без причины, она бы этого не сделала.

Но могла бы сделать, если бы кто-нибудь умер.

Мама здесь.

Значит, папа. Лучше бы она.

Отгоняю эту мысль и делаю вид, как будто ее и не было.

– С папой все хорошо? – обращаюсь я к своим туфлям.

– Да, – подтверждает мама, ничуть не удивляясь вопросу. – Он в полном порядке. И уже едет сюда, к нам. Идем.

– Тогда в чем дело?

Мама жива. Папа жив. Из-за кота забирать меня из школы они бы не стали. Только бы не Хамфри.

– Я тебе по дороге объясню, – говорит мама. – Я же обещала. Пойдем.

Я смотрю на Меркель.

Она кивает.

– Можешь идти, Элла, – говорит она. – Еще увидимся.

У меня внутри все холодеет. Она должна была сказать «завтра увидимся». Но она не знает, когда я вернусь. А мне надо учиться. Надо быть в школе. Я не хочу на терапию. Мы «еще увидимся» – когда-нибудь. Как будто разверзлась бездна. Я хватаюсь за край ее стола, словно привязываю сама себя.

Меркель с виду спокойна, но вертит в руках какую-то картонку, рвет ее на мелкие клочки и складывает их в кучку. На картонке что-то написано от руки. Интересно что. Я заглядываю в лицо Меркель, она отводит глаза. Смотрю на маму, которая уже стоит у двери. Не знаю, как быть. Уходить не хочу. Школу я ненавижу, но хочу остаться здесь.

– Но почему? – выговариваю я. – В чем дело?

Мой голос еле слышен.

– В машине поговорим, – мама не смотрит на меня.

– А мне обязательно надо уехать? – это я говорю миссис Остен. Голос дрожит.

– Да, Элла, – отвечает она. – Уехать тебе надо обязательно. Из-за школы не беспокойся. Мы никуда не денемся. И с тобой все будет хорошо. Можешь идти.

По пути к машине я отправляю сообщение Лили и Джеку. «Кажется, мама меня похитила», – пишу я в нашей группе.

– Убери телефон, – велит мама.

Папу мы застаем паркующимся на учительской стоянке. С ним все в порядке, и для меня это такое облегчение, что неожиданно подкашиваются ноги. В глубине души я не верила маме и думала, что в машине она скажет мне, что папа в коме или что-нибудь в этом роде. Папа гораздо прямолинейнее, чем она. Он просто папа.

Дождь все еще идет, но уже морозящий. Папа пересаживается в мамину машину, даже не обернувшись на свой «Ауди». Вообще-то родителям не разрешают парковаться на стоянке для учителей. А тем более бросать здесь свои машины.

Обычно папа не оставляет машину где попало. Он всегда следует правилам.

Я так рада, что с ним все в порядке. Обнимаю его и шепчу:

– Какая муха ее сегодня укусила?

– Ты уж извини, дорогая, – шепчет он в ответ. – Мама не виновата, честное слово. Сейчас мы тебе все объясним. А пока давай просто уедем отсюда.

Я сглатываю.

– Ладно.

Оборачиваюсь на заднем сиденье и в забрызганное окно смотрю, как исчезает вдалеке школа. Не знаю, когда мы вернемся. Я до смерти напугана. Чувствую, как Бэлла у меня внутри затаилась и ждет, хочет узнать, что это значит, чтобы потом во всем разобраться на свой лад. Надеюсь, папа сейчас и правда все мне объяснит.

По радио передают сигналы точного времени. В школьной комнате отдыха все только обо мне и говорят, а меня там нет.

– Обзор новостей прессы к одиннадцати часам, – говорит радио. – Рост ядерной напряженности на фоне продолжающейся стагнации. Аманда Хинчклифф

освобождена из тюрьмы после третьей апелляции. Еще два случая обезьяньего гриппа подтвердились в Великобритании...

Мама нервно тычет в кнопку радио, и оно умолкает, снова включается на миг и выключается опять. Родители одновременно делают резкий вдох. У мамы трясется рука. Папины руки дрожат на руле, он чуть не сбивает длинноволосую женщину, которая останавливается в конце школьной подъездной дорожки, набирая эсэмэску.

– Так что? – спрашиваю я. – Объясните! В чем дело?

– Давай сначала как следует успокоимся, а потом поговорим, – отвечает мама. – Дорогая, извини. Понимаю, все это выглядит странно, но беспокоиться не о чем. Так получилось из-за папиной работы. Некоторое время мы пробудем в отъезде, но в этом нет ничего страшного. Наоборот, будет здорово. Тебе понравится.

М-да. Вот оно, обещанное «объяснение» во всей его жалкой красе.

– Папа?... – еле слышно выговариваю я.

– Попозже, – откликается он.

Мама передает мне «Твикс», я прячу его в карман на потом. Бэлла любит вредную еду, а мне может понадобится подкупить ее.

– Куда мы едем? – спрашиваю я. – Хоть это-то могли бы мне сказать.

– В Хитроу, – говорит папа.

Не глядя в телефон, отправляю Джеку и Лили одно слово – «Хитроу». Не знаю, что удалось набрать и что они получили.

– А оттуда – в Рио.

Мы с папой сидим в кофейне, пока мама уходит улаживать какие-то дела. Я пью кофе – на самом деле молоко со слабым привкусом кофе. Терпеть не могу молоко. Но все равно пью. Надо же мне чем-нибудь занять руки теперь, когда у меня отобрали мобильник. Мама просто схватила его со стола и направилась прочь, делая вид, будто не слышит, как я кричу ей вслед.

– Вы что, прочли мой список? – спрашиваю я. – Список мест, где я хочу побывать? Почему мы летим именно в Рио?

Он улыбается.

– Элли, ты же сама нам этим Рио все уши прожужжала. И нарисовала огромную картину, которая так понравилась нам с мамой. А что за список?

Только папа зовет меня Элли. Мне нравится.

Они знают, что Рио меня буквально завораживает. Он такой чудесный, энергичный, полный самбы, жизни и праздничного настроения. До того как я наткнулась на Рио, пока искала для картины тропические виды (на фотографиях), я понятия не имела, что бывают на свете такие места. Хочу быть хозяйкой дома в Рио-де-Жанейро, а не забитой школьницей из Кента, самый смелый поступок которой – перекраска волос в скандальный цвет, да и то после напряженной душевной борьбы.

Но все же уезжать в Рио вот так я не хочу. Я предпочла бы отправиться туда одна, когда стану старше и смелее, а не в сопровождении странно взвинченных, уклоняющихся от прямых ответов родителей, которые, видимо, даже мой собственный мобильник мне больше не доверяют.

Да и как можно ехать прямо сейчас? Даже выразить не могу, насколько это дико.

– Понимаю, Элли, – кивает папа с усталым видом. Случилось что-то плохое, но он мне не говорит. Уж лучше бы выложил все начистоту, что бы это ни было. – Просто мне по работе подвернулась такая возможность, а мы же знали, как ты хочешь побывать там. Вот и решили устроить путешествие всей семьей.

– Ясно, – отвечаю таким тоном, как будто верю ему. Как будто.

Его взгляд становится умоляющим.

– Неужели ты совсем не рада?

Вздыхаю. Отпиваю кофе, стираю молочную пенку с верхней губы салфеткой. И думаю, как можно изобразить радость от того, что меня взяли с собой «в деловую поездку». Представляю, как восторгаюсь: «Супер! Огромное вам спасибо!» Наверное, у меня не получится.

– Просто немного странно выглядит, – объясняю я. – Вы же хотите, чтобы я училась. Если бы мы уезжали все вместе из-за твоей работы, пришлось бы собираться, готовиться и все такое. Ну как можно ни с того ни с сего забирать меня из школы и везти в аэропорт? И вдобавок отнимать у меня мобильник. Херня какая-то. Не такая уж я дура.

Я сказала папе «херня». В первый раз. Смотрю на него, а он – на меня. Он прищуривается. Мы оба понимаем: при маме я бы на такое ни за что не отважилась. Опять оттесняю подальше Бэллу.

Я ВСЕ ВИЖУ, говорит она.

Знаю, отвечаю я.

– А мы думали, ты будешь в восторге, – говорит папа.

– А как же Хамфри? Кто за ним присмотрит?

По папиному лицу видно, что он понятия не имеет. Мой бедный Хамфри будет озадачен. И возненавидит меня, когда поймет, что я уехала. Кто же его покормит? Он ведь умрет!

Нет, он не умрет. Бывают же дикие и бездомные кошки. Хамфри злой и сильный, он выживет. Уж я-то знаю лучше, чем кто-либо. И все-таки. Когда я вернусь, он будет худой, неласковый и перестанет носить мне подарочки.

– Мама наверняка что-нибудь придумала, – помолчав, говорит папа.

– А Джек? – вспоминаю я. – Сегодня вечером придет Джек. А меня не будет дома.

Я знаю, что на самом деле Джек не придет – я же написала, что меня везут в Хитроу. А остальное ему объяснят мои школьные знакомые: что меня уволокли в разгар занятий, сразу после того, как я нагрубила миссис Браунинг.

– М-да?...

Папе явно не по себе. И это пугает. Как будто мы убегаем, но нам же незачем убегать, мы нормальные, скучные и законопослушные – по крайней мере, родители именно такие. Мы удираем от чего-то, о чем они мне не рассказывают. События развиваются очень и очень странно; хорошо еще, пока меня не упрятали в психушку.

– А позвонить Джеку можно? – спрашиваю я. – Хотя бы объяснить ему, что я уехала в «путешествие своей мечты» и вернусь... на следующей неделе? Так и сказать? Или сколько мы там пробудем?

– М-м, точно не скажу. Слушай, знаешь, не звони ему. Не надо, чтобы кто-нибудь был в курсе, что мы едем в Рио.

– А, у тебя какие-то дела в Бразилии и это совершенно секретная информация? – Меня вдруг осеняет. – А вещи мы хотя бы собрали? Господи, папа, где мой багаж?

Я обвожу зал ожидания взглядом для пущего драматизма, с радостью вижу, что кто-то идет в нашу сторону, и даже издали понимаю, что это Джек. Я знаю его светлые волосы и длинную тощую фигуру. И походку знаю.

– Вот с этим сложно, – наконец отвечает папа. – Кое-что мама собрала. Остальное там купим.

– Господи.

Но смотрю я не на папу, а на Джека и улыбаюсь. Я знала, что он придет. У Джека есть машина, мы оба пользуемся функцией «найди мой айфон».

Папа смотрит туда же, куда и я, прикрывает глаза и тяжело вздыхает.

– Элли... – говорит он. – Ох, господи.

Но я уже вскакиваю и мчусь к Джеку. Он заключает меня в объятия.

– Спасибо тебе огромное! – говорю я. – За то, что приехал!

– Но что случилось?

– Без понятия.

Папа, конечно, тоже подходит. И говорит «Рад видеть тебя, Джек» таким тоном, что сразу ясно: он имеет в виду обратное.

– Элла прислала мне пару сообщений, – Джек видит, что надо объясниться, – а у меня как раз был свободный урок, машина стояла у школы, вот я и решил съездить попрощаться.

– Ну что ж, очень романтично.

Папа не понимает даже, что тут происходит. Мои родители так обрадовались, когда я начала зависать с Джеком, что ни один из них не заметил, что никакой романтики между нами и в помине нет. Меня это устраивает, Джека тоже, хотя трудно было не расхохотаться, когда мама настойчиво и торжественно вручила мне несколько месяцев назад упаковку презервативов.

– Папа, – говорю я, – можно нам с Джеком поговорить минутку? Обещаю, я ничего не скажу о том, что ты просил не рассказывать.

Он закатывает глаза.

– Я принесу тебе чего-нибудь попить, Джек, – обещает он. – Что будешь?

– Можно кофе с молоком? – отвечает Джек. – Спасибо.

Несколько минут с Джеком – именно то, что мне нужно. Мы наклоняемся над столом, подпираем ладонями подбородки и говорим, сблизив головы.

– Так о чем тебя просили не рассказывать мне? – спрашивает он, а вокруг бурлит аэропорт.

– Что мы уезжаем в Рио. Только никому не говори.

– Офигеть, Рио! А мне можно с вами?

– Если бы! Вообще не понимаю, что происходит.

– Тогда просто получай удовольствие. Что бы это ни было.

– А ты? Все будет хорошо?

Джек вздыхает.

– Да, хорошо. Буду по тебе скучать. В субботу я чуть не влип. Ходил в «Адмирал Дункан» вместе с Тони и напоролся там на учителя из моей школы. Мистера Джонса. Он у нас недавно. Молодой. Спортивный. Короче, и он меня увидел, и я его, и испугался, как бы он не сдал меня другим учителям, – а почему бы и нет? Он же видел, что я выпивал и, строго говоря, нарушал закон. Так что сегодня утром я перехватил его возле школы и упрямил никому не рассказывать. Он вроде бы согласился. Надеюсь, не соврал.

– Скорее всего. Он ведь знает, чем это грозит. Сам такое проходил. А ты скоро уедешь отсюда.

– Обязательно.

– Так ты выдержишься какое-то время без своей девушки?

– Ага. А ты – без своего парня?

– Понятия не имею.

У меня наворачиваются слезы. Не хочу расставаться с Джеком. Мы познакомились однажды вечером в «Уэзерспунсе», когда я увязалась с компанией Лили, а он делал вид, что с тем парнем у него вовсе не свидание. Бедняга Джек. Только заказал выпивку, как ввалилась чуть ли не половина нашего класса. Я видела, как он вздрогнул и сделал вид, что он здесь один, без спутника. И заинтересовалась: я всегда замечаю других белых ворон. Мы разговорились, и я вдруг поняла, что у меня появился новый лучший друг. А когда все стали считать, что мы встречаемся, это устроило нас обоих, вот мы и продолжали прикидываться парочкой.

Ясно же, что быть геем – совершенно нормально. На дворе уже далеко не середина двадцатого века. Но попробуйте объяснить это родителям Джека и их церкви! Ему и нужно всего-то – чтобы его не таскали на репаративную терапию, пока не закончатся экзамены и он не свалит из дома навсегда. Никогда не видела, чтобы кто-нибудь вписывался в окружающую обстановку хуже, чем Джек.

Протягиваю руку и ерошу его светлые волосы. Он хватает меня за руку и пожимает ее.

– Я буду скучать по тебе, – говорю я. – Пиши мне по электронке. Не пропадай. Я постараюсь вернуться поскорее.

Он смеется.

– Вот-вот. Ты наверняка вернешься через пару дней, а я буду выглядеть как кретин из-за того, что рванул в аэропорт провожать тебя.

– Ничего лучше этого для меня никто не делал.

Бэлла молчит. Ей тоже не хочется расставаться с Джеком.

Когда он уходит, мы с папой сидим молча. Звучат какие-то объявления, которые я не слушаю, всюду люди, и никто, похоже, не путешествует просто так, ради удовольствия.

Еще сегодня утром мама отвезла меня в школу и пожелала удачного дня. А через несколько часов похитила, чтобы увезти в Бразилию, и вдобавок забрала мой мобильник.

Нет, я так не могу.

– Пойду в уборную, – небрежным тоном сообщаю я в надежде, что папа ничего не заподозрит.

Он ерзает в кресле, приглаживает пятерней волосы.

– А может, дождешься, когда вернется мама?

– Нет. Не дождусь. Мне что, теперь даже в туалет нельзя?

Я иду прочь, не слушая его, и держу курс на далекий желто-черный знак с женщиной в растопыренной юбке. Папа встает и следует за мной. Не хочу даже думать о том, как это дико и неловко, поэтому притворяюсь, что его со мной нет. Я и не собиралась убегать в машину к Джеку (кто-то же должен вести себя прилично, а к родителям это явно не относится), но приходится идти через весь зал ожидания под конвоем отца. Когда мы подходим к двери, я, посторонившись, даю понять, что пропускаю его в дамскую уборную первым.

– Я здесь подожду, – бормочет папа и встает возле двери, будто охраняет туалет.

Сажусь на унитазе и пытаюсь думать. Мои родители – зануды. Они просто не могли натворить ничего такого, из-за чего нам пришлось бы убегать в Рио.

А ПО-МОЕМУ, ОНИ СДЕЛАЛИ ЧТО-ТО УЖАСНОЕ, – спешит на помощь Бэлла.

Что, например?

УКРАЛИ ЧТО-НИБУДЬ. ПОДОЖГЛИ. ВОДИЛИ МАШИНУ В НЕТРЕЗВОМ СОСТОЯНИИ. ЧТО ТАМ ЕЩЕ ВЫТВОРЯЮТ ЛЮДИ.

Она права, что-то такое они наверняка совершили, но ведь это почти невозможно.

Папа работает финансовым консультантом. По работе он время от времени уезжает, так что я почти верю, что и сейчас он едет по делам, и он ни за что бы не согласился бросить все и сбежать из страны.

Спускаю воду и мою руки, при этом разглядываю себя в зеркало. Какая-то азиатка моет руки рядом со мной. Она встречается со мной взглядом в зеркале, усмехается, кивает в сторону моих волос. Я улыбаюсь в ответ.

Я все еще похожа сама на себя. Волосы по-прежнему смотрятся классно. Но нетипично для Эллы. Скорее это волосы Бэллы, а не Эллы.

На мне школьная форма. Я лечу в Бразилию в черной школьной юбке, белой блузке и зеленом джемпере с треугольным вырезом. Хорошо бы мама все-таки подумала, собирая вещи. И взяла мне книги, карандаши, маленький скетчбук. Я отгоняю от себя восторженную мысль, что теперь, после того как я нарисовала для оценки по искусству в аттестат огромную панораму Рио, мне представится возможность порисовать его с натуры. Наушники при мне, но поскольку мобильник у меня забрали, они бесполезны. А мне все это необходимо. Если вокруг нет моего мира – моих книг, моей музыки, моей живописи, – пустого места остается слишком много, и я заранее знаю, кто поспешит выскочить и заполнить его. Мне нужны привычные вещи, чтобы забить голову до отказа чем-нибудь нормальным и отогнать зло.

Но не объяснять же родителям.

Папа сопровождает меня обратно к нашему столику в кафе. Наши сумки никто не украл и не взорвал, и даже остатки нашего кофе на месте. Я глазею на папу поверх стакана, а он отводит взгляд, смотрит куда угодно, только не на меня. Надо было попросить Джека задержаться до самой последней минуты. Сейчас мне очень не хватает его здесь.

Когда мама наконец возвращается, она сама на себя не похожа. Усмехается сквозь слезы и размахивает посадочными талонами. Она где-то пропадала целую вечность.

– Готово. Я прошла регистрацию за всех. И багаж сдала. Так что можно сразу на досмотр, – ее губы улыбаются, а глаза нет. Она смотрит на меня, и в ее глазах отражается какое-то огромное чувство, которому нет названия. – Доставим тебя в Рио, дорогая.

Это даже неплохо – сидеть взаперти в металлической коробке, которая летит по воздуху на энергии сгорающего ископаемого топлива. Мы здесь как в ловушке, но всем начхать. Все добровольно выбрали лишение свободы. Мы в гигантской бомбе, а ее медленный контролируемый взрыв означает, что она приземлится, целая и невредимая, когда мы доберемся до Рио. И попутно загрязнит окружающую среду.

Насчет бомбы я не совсем уверена (наверное, я имела в виду космическую ракету), но сама идея, по-моему, ничего.

Я лечу в Рио. Странно, стремно и вместе с тем интересно. Ведь именно об этом я мечтала, когда изнывала в школе от скуки и всеобщего игнора.

Но меня не отпускает очень-очень скверное предчувствие.

Я смотрю то в окно, то в экран с фильмом про женщину, которая решила стать суррогатной мамой, а теперь не желает отдавать ребенка. Фильм не увлекает, я почти не слежу за действием, но в нем есть движущиеся фигурки, на которые можно таращиться. На коленях у меня книга, мне правда хочется ее прочесть, я сама выбрала ее в аэропорту, но и на ней сосредоточиться не удастся. Пассажиры, сидящие впереди, громко обсуждают свою поездку в Латинскую Америку.

– Она встретит нас в Лиме, – говорит незнакомая женщина, – если мы приедем туда до двадцать пятого. А если нет, попытаемся пересечься в Куско – и так далее, и тому подобное, сплошные подробности и сложности. Сидящие сзади тоже болтают без умолку, но я их совсем не понимаю. Опять надеваю наушники.

В Бразилии я вообще не пойму ни слова – я совсем не говорю по-испански, а французский забросила в прошлом году, хотя он у меня неплохо шел. Но на одном французском в Рио далеко не уедешь.

Лететь в Бразилию втроем наверняка недешево. За счет родительских сбережений? Растраченных чужих? Украденных? Отмытых? Во все перечисленное мне не верится. Это могли быть только деньги, которые лежали у родителей в банке.

Для всего остального мои родители слишком нормальные. Это непреложный факт. И все-таки мы здесь. В самолете слегка пахнет потом. И спертым воздухом. Я выпила малюсенькую бутылочку белого вина, и мама говорит, что теперь мне придется ограничиться газировкой. Хотя мне уже семнадцать, они ведут себя так, как будто мне пять лет. А я могла бы сидеть здесь и напиваться сама по себе – ничего особо прикольного, зато отвлеклась бы. Через месяц мне восемнадцать.

Родители то и дело поглядывают на меня, быстро и украдкой. Каждый раз, когда я осматриваюсь, кто-нибудь из них как будто проверяет исподтишка, все ли хорошо. Это страшно нервирует; может, все из-за Бэллы. Если они узнали, в каком состоянии моя психика, возможно, в эту странную поездку меня потащили, только чтобы избежать трудного разговора.

Не представляю, зачем еще им понадобилось везти меня в «путешествие моей мечты». Ясно ведь, что я не больна.

Совершенно ясно.

У меня ничего не болит.

у

меня

вообще

ничего

не

болит.

Когда удастся сосредоточиться, я во всех красках вижу свою сказочную жизнь в Бразилии. Воображаю, как заканчиваю школу возле самого пляжа, а те горы, которые я рисовала, служат идеальным фоном. У меня новые друзья, и все они такие классные и заграничные, и меня все любят, а не презирают. Не пройдет и нескольких недель, как я начну надевать в школу только верх от бикини и крошечные шорты, и у меня будет целая толпа друзей из Латинской Америки и со всего мира. А мои новые подруги будут гламурными красотками с блестящими черными волосами, так что прежние по сравнению с ними будут казаться унылыми замухрышками. И я прекрасно впишусь в новую компанию с моей лиловой асимметричной стрижкой: меня будут считать крутой и стильной англичанкой.

Но если папа растратил чужие деньги, тогда его разоблачат, арестуют и отправят домой. И везде будут вспышки камер, и весь мир узнает, что он украл деньги и мы сбежали в Рио. От нас будут шарахаться, из самолета нас выведут в наручниках.

Нет, папа не мог сделать ничего подобного. Просто не мог.

Я снимаю наушники.

– И все-таки, что это? – спрашиваю я у мамы, которая притворяется, будто читает самолетный журнал.

– «Это» – это что?

– От чего мы убегаем.

Я смотрю ей в глаза, но не могу прочесть выражение в них, хотя, кажется, это наш самый откровенный разговор с тех пор, как она забрала меня из школы – не далее как сегодня утром. У мамы глаза серовато-голубые. А мои светло-карие, как у папы. Ее глаза больше подошли бы к моим волосам: они почти лиловые.

– Просто наслаждайся поездкой, – помолчав, советует она. – Уверяю тебя, никто ни во что не влип. Это совсем другое дело.

– Какое «другое»?

Мы снова смотрим друг на друга в упор. Ей явно хочется объясниться. Затаив дыхание, я хочу, чтобы она наконец решилась. В ее глазах целая приливная волна эмоций, но больше она не говорит ни слова. И все-таки беспокоится за меня, я же вижу.

Значит, дело во мне.

Не в папиной работе и не в мамином нервном срыве.

Все

дело

во

мне.

В страну, которая стоит первым пунктом в моем списке, они повезли бы меня, только бы если бы знали, что это мой единственный шанс там побывать.

Если бы предчувствовали: вот-вот произойдет что-то ужасное.

Если бы хотели, чтобы я развлеклась, пока еще могу.

Хватит гадать.

Я надеваю наушники и возвращаюсь к фильму. Немного погодя стюардесса подкатывает к маме тележку с едой, и хотя я прошу курицу, на самом деле мне ее не хочется. Смотрю на нее, принохиваюсь к тошнотворному запаху и гадаю, почему мы с этой курицей встретились здесь и сейчас, в запечатанной консервной банке на высоте тридцати тысяч фунтов над землей.

Кто-то вырастил и убил эту курицу. Она, наверное, росла на птицефабрике, ожиревшая настолько, что не могла толком стоять на ногах. Ни разу не взлетела. Ни разу даже не расправила крылья. Была просто продукцией, как капуста на грядке, и жизнь у нее не отнимали только для того, чтобы мясо

оставалось свежим.

А потом ее умертвили, отправили на совсем другую фабрику и приготовили из нее самолетный обед: устроили в гнезде из картошки и склизкой брокколи, залили клейким серым соусом, подняли высоко в небо, там разогрели и принесли мне.

Я быстро съедаю ее. Как ни странно, курица вкусная, и я улыбаюсь при мысли о том, что мир заточен специально под нас, людей, чтобы мы могли творить любую хрень, какую только пожелаем.

Я просыпаюсь с отпечатавшейся на лице складкой от крошечной подушки. Прошу родителей пропустить меня и встаю в очередь в туалет. Понятия не имею, который теперь час, но, наверное, дома уже ночь.

Интересно, кто сейчас вспоминает меня. Джек и Лили. Девчонки в школе потреплются обо мне пару дней и перестанут, переключатся на что-нибудь другое. Только Лили будет скучать по-настоящему. Только Джек знает, где я.

Зевнув, я вспоминаю, как в первый раз увидела Лили. Других учениц смешанного происхождения в классе не было, и я еще издали залюбовалась ее волосами, похожими на тугие пружинки. А когда нас поставили вместе на экскурсии на природу, я заметила, что у меня звенит в ушах, и поняла: надо как можно скорее напроказничать, чтобы звон прекратился, и обрадовалась, что Лили составит мне компанию.

– Кажется, вон там целая куча еловых шишек, – сказала я и взяла ее за руку.

– А может, и ежевика есть, – ответила Лили, и мы вдвоем направились прочь от тропы. Перелезали через ветки, продирались через кусты ежевики и крапивы, наконец наткнулись на поляну в самой чаще, сели и разговорились. До этого мы вообще ни разу не болтали друг с другом. От Лили я узнала, что от них только что ушел ее папа, а мама на лето везет ее обратно в Гану. А я рассказала ей, что на следующей неделе мне подарят котенка и я назову его Хамфри.

Там, на поляне, мы просидели очень долго. Я только радовалась, что можно побыть вдали от одноклассников, которые или не обращали на меня внимания, или потешались надо мной, потому что иногда я вела себя тихо и застенчиво, а порой словно с цепи срывалась, закатывала чудовищные истерики, и все считали, что я сбесилась. Лили я до этого совсем не знала, но вдруг мне показалось, что она моя единственная подруга.

Прошла вечность, прежде чем нас хватились и подняли крик. А мы тем временем успели поговорить обо всем на свете. Я рассказывала ей истории, наполовину позаимствованные из книг, на ходу сочиняла сказки о сиротах, замках и приключениях в лесу, вдруг сообразив, что рядом с Лили могу быть самой собой. У нее красивый голос, она тихонько спела мне несколько песен. И научила нескольким словам на ганском языке.

Мы слышали, как остальные кричат, но я не боялась, что нам влетит, ведь мы были вдвоем, зато звон в ушах утих, я стала прежней. Мы упорно не отзывались и только хихикали. Наши платья были изодраны колючими ветками, а волосы растрепались.

Нас звали и звали, и наконец мы вернулись к остальным.

– Все хорошо, – шептала Лили, пожимая мне руку.

Мы стали подругами.

Учителя были вне себя. Остальные девочки уже стояли парами на опушке, держались за руки и испуганно озирались. Мы побежали к ним, я отпустила руку Лили, кинулась к миссис Барретт, обняла ее и разрыдалась.

– Мы заблудились, – всхлипывала я. – Мы свернули с тропы, потому что увидели кролика, а тропа вдруг потерялась. Нам было так страшно!

Я слышала, как часто у нее колотится сердце. Она положила ладонь мне на голову.

– Ну-ну, – сказала она. – Теперь все хорошо. Но больше никогда не сходите с тропы, девочки.

Я отвернулась от миссис Барретт и увидела, как Лили поодаль плачет, а остальные девочки суеются вокруг – всем очень хотелось утешить ее. Наши глаза встретились, и мы с ней еле заметно улыбнулись друг другу.

– Вот, держи, – мама протягивает мне мой паспорт и белый бланк. – Это твоя иммиграционная форма. Я сама ее заполнила за тебя.

– Очень кстати, ведь я неграмотная.

Она вздыхает.

– Элла, ты же спала.

Я отворачиваюсь. Мы стоим в очереди раздраженных пассажиров. Все хотят поскорее в Рио, а я – больше всех. Многие быстро тараторят на непонятных мне языках – или каком-то одном языке, которого я не знаю. Я пропускаю их болтовню мимо ушей. Никто из пассажиров не выглядит так, будто его похитили люди, которым полагалось бы заботиться о нем.

Никто не выглядит так, будто с ним что-то не в порядке.

А на самом деле среди них есть и такие.

– Здравствуйте, – говорит сотрудник иммиграционной службы и быстро, равнодушно улыбается мне. Я протягиваю паспорт и белый бланк, он ставит штамп в паспорт и возвращает его вместе с оторванным корешком бланка. Я благодарю его и ухожу туда, где мама с папой, конечно же, ждут меня. Мама протягивает руку, я отдаю ей мой паспорт и обрывок бланка. Она убирает его к себе в сумочку. Как будто мне пять лет.

У нас на всех один чемодан и почти нет ручной клади.

– Купим подходящую одежду, когда будем на месте, – обещает мама (только богу известно, что она вообще взяла из вещей). Стараюсь придать своей школьной форме менее школьный и форменный вид, но когда на тебе короткая черная юбка, черные колготки и белая рубашка и при этом ты не в школе, то выглядишь как официантка. Я накручиваю на палец длинную прядь, стесняясь

не столько своих лиловых волос, сколько дурацкой одежды. Не хочу носить колготки в Латинской Америке. Даже здесь, в помещении, воздух влажный и душный. Все кажется странным и непривычным.

Потом мы садимся в такси. Водитель бросает наш чемодан в багажник. Игнорирую попытки обоих родителей заговорить мне зубы и забираюсь на переднее сиденье. И хлопаю дверь, прежде чем кто-нибудь из них велит мне сесть сзади с мамой.

Уже стемнело, но можно разглядеть деревья с огромными листьями причудливой формы. Повсюду сверкают огни. В этом городе живут люди, это их мир, а я про него ничего не знаю. И это ужасно будоражит.

Таксист едет быстро и часто сигналит. Полный улет. Лихо вписывается в повороты и рассекает по туннелям. А я, его пассажирка, в диком восторге. Чувствую, как сзади родители напрягаются, нервничают, боятся аварии, но мне плевать.

Автобусы повсюду: с шумом проносятся мимо, увозят своих невообразимых пассажиров к невообразимым местам их назначения. Потрясающие автобусы, полная противоположность тем дурацким у нас дома, которые даже скорость набрать между остановками не успевают. Один подрезает было нас, вывернув с соседней полосы, но наш водитель вовремя пресекает попытку истощным и длинным сигналом. Папа кашляет, прочищая горло, и я знаю, как хочется ему попросить сбавить скорость и вести машину, как обычно делает он, – чинно-благоразумно, поглядывая то в зеркало, то на приборы и строго следуя дорожному кодексу. Но я хорошо понимаю, что ничего он не скажет, потому что не знает как, а если бы и знал, решил бы, что вмешиваться невежливо.

Меня опьяняет восторг. Я же знала – вот где мне самое место, и не ошиблась. Здесь все по-другому. Все такое чудесное и восхитительное, прямо как во сне. И в голове у меня не звенит. И перед глазами ничего не расплывается. Я целиком и полностью в себе.

На фоне темного неба – силуэты гор. Меня нестерпимо тянет туда. На вершине одной сияет свет, водитель тычет в нее пальцем и что-то говорит мне. Я переспрашиваю: «Que? Что?» – может, он поймет.

– Cristo Redentor[3 - Статуя Христа-Искупителя.], – отвечает он, поворачиваясь ко мне и отвлекаясь от дороги, так что за нашими спинами хором ахают родители.

– Крису Редентор, – повторяю я, и он довольно кивает.

Теперь со всех сторон здания, я глазею на них. Когда говорят, что центр во всех крупных городах одинаков, к Рио это не относится. Здесь нет сетевых гигантов, никаких «Бутс», «Смитс» и «Сэйнсберис». Мимо проносятся незнакомые магазины – все до единого закрытые, кое-где попадаются рестораны и бары с посетителями, сидящими снаружи, но ничего рассмотреть как следует не удастся, потому что мы мчимся во весь опор, улицы так и мелькают.

Мне страшновато, но я не поддаюсь. Это же замечательно. Как будто я выдумала это место, а в реальности оно оказалось еще лучше, чем у меня в голове. Мне ужасно не терпится нарисовать все, что я здесь вижу.

Скоро мы останавливаемся возле отеля с ярко освещенным входом, человек в форме открывает дверцу с моей стороны. Я первой выхожу из машины и ступаю на тротуар Рио – который, кстати, вымощен не обычной плиткой, а черно-белой мозаичной с узором из завитков. Воздух горячий. А запах волнующий: пахнет морем, тропической растительностью и приключениями.

Я улыбаюсь швейцару. Смотрю, как неловко суетятся родители – благодарят таксиста, благодарят швейцара, гадают, дать ли кому-нибудь из них на чай, и если да, то сколько, и вообще какая в Бразилии валюта. Вижу, как на их лицах отражается мучительная работа мысли: они пытаются припомнить, сколько заплатили за такси, когда покупали в аэропорту ваучер, и правильно подсчитать проценты чаевых. Тем временем таксист уезжает, чаевых так и не дождавшись, а швейцар тащит наш чемодан в отель. Я иду за ним с теплой сырой улицы в резкую прохладу вестибюля с работающим кондиционером и блестящим полированным мрамором.

И останавливаюсь в холодке. Мама с папой спешат за мной, подходят к стойке, где приветливый администратор здоровается с нами по-английски. Родители принимаются заполнять какие-то бланки и протягивать банковские карточки.

У нас один номер на троих. Если бы мы взяли два номера, получилось бы вдвое дороже, но я точно знаю: они решили спать в одной комнате со мной только для

того, чтобы я постоянно была у них на виду – и днем и ночью. Пару месяцев назад, когда мы ездили в Корнуолл, у меня был свой номер, а теперь меня будто понизили в звании с родительской точки зрения. Словно я опять стала младенцем. Или ценностью, с которой нельзя спускать глаз.

Впрочем, номер большой и красивый, так что мне грех жаловаться. Моя односпальная кровать довольно далеко от родительской двуспальной, но в любой момент они могут проверить, на месте ли я, – стоит им только сесть на постели.

Я сажусь на свою кровать, потом плюхаюсь на спину. В номере высокий потолок, выложенный мраморной плиткой пол, мини-бар и сейф, все сверкает чистотой.

– Который час?

Мама возится с чемоданом. Шкаф распахнут. Она суетится, но старается скрыть это, что меня настораживает, и я, притворяясь, будто разубаюсь, пристально слежу за ней. Вижу, как она достает из своей сумочки пачку каких-то бумаг и кладет их в маленький гостиничный сейф: судя по озабоченному выражению на ее лице, бумаги важные. Я приподнимаюсь, чтобы разглядеть их, но успеваю заметить только пару конвертов официального вида.

Оглянувшись, чтобы проверить, не подсматриваю ли я, она осторожно нажимает несколько кнопок, слышится писк. Все, сейф заперт. Мама снова смотрит на меня. Я делаю вид, будто ничего не заметила.

– Уже почти полночь по местному времени, – говорит папа. Он вышагивает туда-сюда, пытаюсь расслабиться. – А дома – почти два часа.

– Это ведь Южное полушарие?

– Ну конечно.

– Значит, мы пересекли экватор.

– Пересекли, – подтверждает он. – Он, кажется, проходит по северной части Бразилии. Приятно видеть, как ты завелась, Элли, – надеюсь, ты не в обиде на

меня за такие слова.

Я улыбаюсь ему. Так бы запрыгала и запела. Если бы мне сегодня утром сказали, что этот день закончится в Рио, я, конечно, решила бы, что новость потрясающая, но маловероятная. А это правда. А я уже здесь. В этом сказочном месте, в стране моей мечты.

Я не прыгаю и не пою. Просто объясняю папе, что нет, я не в обиде – ему можно. И не добавляю, что маме так лучше не выражаться: несправедливо, но это правда.

Подхожу к окну, чтобы проверить, как там Рио. Вообще-то окно обращено ко двору и чужим окнам. На двух балконах горит свет, теснятся цветочные горшки, велосипеды, бельевые веревки. В отелях балконы такими не бывают – так живут простые бразильцы.

– Как насчет душа перед сном? – спрашивает мама.

Взгляд у нее безумный. Она развешивает одежду. Похоже, она наугад схватила по паре вещей для каждого из нас.

– Мы еще не ложимся, – заявляю я. Смотрю на них и вижу, что оба уверены: пора в постель. – Мама, папа! Минуточку! Вы заявили в школу, уволокли меня у всех на виду неизвестно почему, но могу поспорить, что папа завтра на работу не пойдет. Потом вы заставили меня проторчать в самолете несколько часов, ничего не объяснив, и теперь ждете, что я схожу в душ и лягу спать? Мы же в Рио-де-Жанейро, и лечь я не собираюсь. Вы сами видели его. Это что-то. Не знаю, что за хрень у нас творится, но мы здесь, и вы, похоже, ждете чего-то плохого, а я понятия не имею чего. Так что сводите меня чего-нибудь выпить. Пожалуйста.

В ушах слегка звенит, но ничего не будет – не здесь и не сейчас. Взгляд мечется из стороны в сторону, прогоняя туман с периферии. Я чувствую, как Бэлла вываливается из своего логова, и приказываю ей отправляться обратно. Она может понадобиться мне позднее. А сейчас пока в ней нет необходимости.

Она подчиняется. Обычно ее не уговоришь. Я так довольна.

Возвращаюсь к своей кровати и сажусь на нее. Дышу глубоко и размеренно. Я жду, но Бэлла в самом деле больше не показывается. Никто из родителей не замечает, что меня бьет дрожь.

Мама вздыхает и прижимает обе ладони к вискам, и этот жест меня здорово бесит.

Папа качает головой.

– Сходить куда-нибудь можно и завтра, дорогая. Не сейчас. Уже два часа ночи, мы в чужом городе. В Рио надо быть осторожным. Среди ночи по городу лучше не болтаться. Ты ведь еще маленькая, ты даже не представляешь, насколько тепличной была обстановка, в которой ты росла. – Мама еле слышно фыркает: а вот это уже интересно. – С таким же успехом мы могли бы написать большими буквами на табличках «Ограбь меня!» и выйти из отеля, держа их над головой.

– Никто все равно ничего не понял бы, ведь здесь говорят на другом языке, – возражаю я. Несмотря на сильное раздражение, я вижу совершенно отчетливо, перед глазами никакого тумана. Я откидываюсь назад и прислоняюсь спиной к стене. Я целиком и полностью Элла. – И потом, сейчас полночь, а не два часа ночи, и я уже достаточно взрослая, чтобы вы больше не держали меня взаперти в этой вашей оранжерее, если считаете, что до сих пор только этим и занимались.

Я злюсь, но это умеренная, обычная злость. Просто мне хочется выйти наружу, в Рио, дойти до ближайшего бара. И больше ничего. По-моему, это совершенно нормально и вместе с тем здорово.

– Давайте спросим у администратора, безопасно сейчас выходить или нет, – продолжаю я самым рассудительным тоном, на какой я только способна. – Ну пожалуйста! А если в этом квартале сходить некуда, мы сразу вернемся и ляжем спать. Не нужна мне выпивка, просто хочется посидеть где-нибудь на улице. Раз уж мы здесь.

Они переглядываются. Потом смотрят на меня, свою дочь, – я улыбаюсь им, я счастлива, что очутилась здесь. И оба начинают обуваться. Я закрываю глаза, прислоняюсь затылком к стене, чувствую, как благодарность переполняет меня, и стараюсь взять себя в руки.

Человек за стойкой смеется и уверяет, что выходить из отеля в такое время, конечно же, совершенно безопасно, бар есть прямо по соседству, и хоть на мне по-прежнему школьная форма, я дождаться не могу, когда попаду туда.

Бар обнаруживается точно там, где сказал администратор, внутри надрывается живая музыка, и мне хочется только одного: туда, к этой музыке, и танцевать до упаду. Играет какая-то группа. Прохожие останавливаются, слушают музыку. Кое-кто слегка пританцовывает прямо на улице. Мне тоже хочется остановиться и потанцевать на улице, а маме с папой – ясное дело, нет, да и меня перестает тянуть в пляс от соседства с ними. Пока мы проходим мимо, я внимательно разглядываю людей возле бара. Все они бразильцы. Я у них в стране. Теперь я иностранка.

Я из-за границы.

Я посторонняя.

Я чужая.

От этого радостно и страшно. Я закатываю рукава школьного джемпера. Белые ниточки давних шрамов при свете уличных фонарей совсем не заметны.

Мы доходим до угла, и я вижу название нашей улицы на указателе.

– «Nossa Senhora de Copacabana»? [4 - Богоматерь Копакабанская.] – читаю я. – Копакабана? Значит, вот где мы?

– Да, – мама даже не пытается изобразить восторг по этому поводу. – Да, дорогая. Здесь в округе много отелей.

– Та самая Копакабана?

– Да.

– Мы прямо сейчас в Копакабане? Самой настоящей Копакабане в Рио? А где пляж? Хочу побродить босиком по воде прямо сейчас! И чтобы вдалеке были

видны горы! Я столько времени убила, пока рисовала их!

У папы измученный голос, и я понимаю, что слишком многого хочу.

– Утром, Элли. Но ни в коем случае не сейчас. После наступления темноты на этом пляже действительно опасно. Отсюда до него несколько кварталов, и я не знаю, в какую сторону. Днем мы его найдем.

– Там правда настолько опасно? Или просто так принять считать?

– Да, настолько опасно. А я чувствую себя неуютно, разгуливая среди ночи. Мы согласились только ради тебя, Элли, хотя нам с твоей мамой хотелось лечь. Если в ближайшие несколько минут мы не найдем приличное кафе, вернемся в отель.

– Идем, – я тяну папу за руку. – Смотри! Вон там есть столики снаружи. Только попьем – и сразу обратно в отель.

Я заказываю колу. Папа пьет пиво, которое он сначала пытался попросить словами «уна сервежа, пор фавор», но бармен смотрел на него недоуменно и так долго, что папа указал на бутылку, сказал: «Пиво?» – и немедленно получил его. У мамы бледно-зеленый коктейль с мозаикой из долек лайма в нем. Таких напитков дома я никогда не видела. Иногда мы с Джеком ходим в паб и пьем лагер. Иногда вместе с Лили выбираем что-нибудь приторно-сладкое вроде «Южного комфорта». А бывает, что я увязываюсь за Лили, Молли и близняшками, мы заказываем коктейли с идиотскими названиями, и я всегда ухожу первой. Но по мнению моих родителей, я никогда не пила ничего крепче бокала вина изредка за обедом.

– С волками жить... – бормочет мама, отпивая коктейль через соломинку. – Господи, как раз то, что мне нужно.

Я видела, как она пьет вино. Но никогда не видела ее пьяной. Наблюдать за мамой в Рио гораздо интереснее.

В баре не только мы говорим по-английски. Кажется, посетители неподалеку от нас тоже прямо с самолета. Они пьют пиво, но поглядывают на мамин коктейль.

– И совсем не страшно, – говорю я. – Согласитесь, даже в пабах «Уэзерспунс» бывает похлеще.

Папа кивает так, словно хочет сказать: хоть и не страшно, это еще не значит, что нам ничто не угрожает. И взглядом внушает мне, будто все знает, а я – просто малышка, которую надо опекать, но только зря старается. Ему известно, почему мы здесь, он всего здесь боится, даже воздуха, которым мы дышим. А я – нет.

Оставшиеся полбутылки пива папа допивает в два глотка. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Сегодня утром я проснулась, сходила в душ, поиграла с Хамфри и отправилась в школу, изнывая от скуки. А теперь сижу за уличным столиком в Рио-де-Жанейро и смотрю, как мама стремительно допивает через соломинку странный коктейль и заказывает второй.

И понятия не имею, что происходит.

4

34 дня

Пора просыпаться. В школу же. Солнце вовсю светит сквозь шторы – значит, я проспала. Еще не успев открыть глаза, я чувствую, что вокруг светлее, чем обычно.

Случилось что-то странное. Я лежу в своей постели. В собственной не слишком опрятной комнате. Хамфри свернулся клубком у меня в ногах. На столе домашка, а мне снился стремный, запутанный сон, в конце которого я рухнула в кровать в Рио, в одном номере с моими родителями, которые отключились еще раньше, заглотив три порции спиртного подряд, словно регбисты на мальчишнике.

Зеваю и готовлюсь открыть глаза.

Мне надо в школу.

Но не получится.

Потому что я же в Рио.

Я

же

в

Рио.

Вот что случилось. Я в Бразилии. В комнате светло, потому что шторы не задернуты, папа сидит в постели и читает книгу, и вид у него такой, будто он мечтает о чашке чая, но уже поискал чайник и не нашел – ведь мы За Границей В Чужой Стране. Если ему так нравится пить чай в постели, не надо было никуда уезжать.

Мама спит. Волосы разметались по всей подушке, рот открыт, вчера она так подгуляла, что было не до снятия макияжа, и теперь тушь размазалась по всей щеке и, наверное, по наволочке тоже – а сама вечно твердит мне: если уж приспичило накраситься (хотя это мне совсем ни к чему, я и так симпатичная, и т. п.), перед сном макияж надо смывать, а то поры, здоровье кожи, постельное белье и все такое. Сама она красится нечасто и сейчас выглядит ни капельки не круто. Будь у меня мобильник, я притворилась бы для папы, что фоткаю ее (хотя, само собой, устраивать ей такую подлянку я бы не стала – просто сделала бы вид, чтобы посмешить папу), но мобильного у меня нет – его же забрали у меня и заперли в том же самом сейфе.

Обязательно надо вернуть себе мобильник. Вчерашний день – одно дело, а жить изо дня в день бок о бок с моими родителями, да еще и без телефона, – совсем другое. Понятия не имею, куда себя девать теперь, когда нельзя выяснить, как мне перемывают косточки в соцсетях, посмотреть, что творится в мире или просто послушать в наушниках музыку или аудиокнигу.

Музыку слушают все. И я тоже, но книги – гораздо чаще. Не понимаю, почему от всех только и слышишь, что перечитывать книги скучно. Литературу к

экзаменам на аттестат я слушаю снова и снова, потому и знаю ее так хорошо. Когда есть возможность, я читаю одну книгу глазами, а другую при этом слушаю ушами.

Папа замечает, что я разглядываю маму. Он тоже смотрит, как она отсыпается после вчерашних коктейлей, и улыбается. Я улыбаюсь в ответ, вылезаю из кровати и бреду в ванную.

Это Копакабана. Здесь рядом пляж. Никто не ограбил нас вчера, когда мы выходили из отеля, никто даже не выглядел подозрительно, хотя было уже темно, а мы вообще не знали, что делаем и куда идем. Мы с родителями пробудем здесь неопределенное время по причинам, которых они мне не объясняют.

Но я их заставляю.

Они обязаны мне все рассказать.

Даже если случилось что-то ужасное, я должна знать, потому что иначе я навывдумываю что-нибудь еще страшнее.

Я чищу зубы и расчесываю волосы пятерней. Для Бразилии я слишком бледная. Мне срочно необходимо загореть.

Час спустя я плетусь в ресторан следом за родителями и стараюсь выглядеть круто и независимо.

Всем плевать.

В ресторане длинный ряд фуршетных столов с одной стороны, телевизоры – с другой, а между ними столики под белыми скатертями. Официанты наряжены в черно-белую форму, но чопорными они не кажутся. Смотрю, как папа договаривается о чем-то с женщиной у входа, потом следую за ним и мамой к столику.

– Мы сами возьмем, что захотим, дорогая, – объясняет мама.

Фуршетный ряд длиннющий – один стол за другим. Я ошеломленно таращусь на него.

– Да уж! – соглашается папа. – Ну что? Едим, сколько влезет. Вперед!

Я наваливаю в свою тарелку яичницу-болтунью (или «яичницу-мешанку», как написано на этикетке), какие-то шарики в панировке – оказывается, внутри у них вкусный плавленый сыр – и еще булочку. Тарелку я отношу на наш столик, а сама возвращаюсь за стаканом свежевыжатого апельсинового сока. К столику подходит официантка с кофейником налить нам кофе, но мама качает головой, отказываясь, и идет искать какую-нибудь тошнотворную гомеопатическую бурду под видом чая к столику за колонной, к которому больше никто не подходит. Папа, который обычно предпочитает противный некрепкий чай, составляет мне компанию за кофе.

– Потрясный завтрак, – объявляю я с набитым ртом, ничуть не преувеличивая.

Эти штучки с сыром – объеденье, а мяса мне почему-то совсем не хочется. Я же люблю животных, а почему всегда ем их, сама не знаю. Сегодня ничего мясного я не беру; поглядываю на папин бекон и все такое, но не таскаю кусочки у него с тарелки, хоть он и разрешает.

Мама ест только фрукты (по ее словам, она любит только то, что растет на земле), и выглядят они так аппетитно, что я, доев всю яичницу и сырные шарики, иду со второй тарелкой к столу с «дарами земли». И набираю кучу ломтиков манго, дыни и ананаса – сочных и роскошных. Каждый день бы так завтракала.

Может, теперь такие завтраки у нас и правда будут каждый день. Может, даже до конца нашей жизни.

– Итак, – говорю я маме с папой, когда наши чашки пустеют, – какие планы? К какому часу тебе на работу, папа? Твой костюм в чемодане не помялся? Ты же наверняка взял его с собой, если собираешься работать.

Я внимательно смотрю на них обоих. Самое время им признаться, что они все-таки затеяли, но они, конечно, не собираются.

– Ох, Элла... – голос мамы звучит замученно, и по-моему, после всего, что было, это уже чересчур. – Элла, дорогая, дай нам хотя бы собраться с мыслями, пожалуйста. Сегодня папа не работает.

– Ну разумеется. Какая неожиданность. А с какими мыслями вам надо собраться?

Мама делает вид, будто оскорблена моим тоном. Оказывается, скрывать существование Бэллы от мамы – единственное хоть сколько-нибудь значительное достижение в моей жизни. Ужасно было бы, если бы она узнала, какая я на самом деле.

– Мы просто составим план. Я помню, что надо купить тебе еще одежды, и мы ее обязательно купим. Только сначала я разузнаю у администратора, куда лучше съездить с этой целью.

Я вздыхаю.

– Ладно. А можно мне ключ от номера? Пойду книжку почитаю. Точнее, почитала бы, будь у меня книжка. Значит, посмотрю бразильское телевидение. Или мне нельзя отходить от вас ни на шаг, чтобы меня кто-нибудь не похитил?

Мама смотрит на папу, тот смеется.

– Ты прелесть, Элли, но вряд ли на пути отсюда до номера тебе встретятся похитители. Вот, держи.

Он достает из бумажника ключ от номера, вручает его мне, и я спешу уйти из зала ресторана и от родителей.

Когда я упомянула похищение, что-то произошло. Длилось это всего долю секунды, и все-таки мамина реакция была странной. Папина тоже, но он мгновенно спохватился: он владеет собой лучше, чем мама. По-прежнему непонятно, какого черта все это значит. Я же самая обычная, никому даже в голову не придет похищать меня. Кому она нужна, эта Элла Блэк? Я здесь не одна, и хотя моим родителям хватило денег на эту поездку, ясно же, что они далеко не миллиардеры, так что требовать с них выкуп бессмысленно.

Вообще-то я не обычная и не нормальная. Тем меньше причин похищать меня.

Мне удастся придумать единственное объяснение – что я больна, но быть больной не хочется. А хочется бросить школу (что я сейчас, видимо, и делаю) и вместо учебы окунуться в мир приключений. Хочу стать лучше и что-нибудь сделать для всех. Хочу многое повидать и пережить. Хочу творить добро. Не только для других людей, но и для себя. Такие мысли мне в новинку.

В сейфе лежит то, что поможет мне понять, что происходит. Я точно знаю.

Я перепробую все возможные комбинации и открою сейф. Код замка – наверняка мой день рождения. Родители часто им пользуются. А если это не мой день рождения, значит, внутри какая-то тайна, какую я ни в коем случае не должна узнать, и тогда я ее обязательно узнаю.

И вдруг я вижу его.

Я бегу в номер, а со стороны вестибюля к залу идут трое: два парня и девчонка. Все они с виду латиноамериканцы и, кажется, говорят на смеси испанского с английским. Вижу парня, который идет позади, и вдруг замираю.

Меня будто ударило током. Я вижу что-то знакомое в его глазах. Он чужой, но я его почему-то знаю. Этот парень – одно из главных действующих лиц в моей жизни. Мгновение – и я понимаю, что чувство, о котором я знала из книг, стихов и песен, на самом деле существует. Я знаю этого человека, просто мы с ним до сих пор не встречались. У него темно-каштановые волосы и оливковая кожа, он рослый, широкоплечий и мускулистый. Раньше я этого не знала, но именно так выглядит мой идеал мужчины. Образ Джека мелькает перед моим мысленным взглядом, и я улыбаюсь. Джеку тоже понравился бы этот парень.

Он останавливается и смотрит на меня. Улыбается. Наши взгляды встречаются. Я не смогла бы отвести глаза, даже если бы захотела.

Он постарше меня, но ненамного, на нем шорты из обрезанных джинсов и однотонная зеленая футболка. А улыбка бесподобна. Зубы ровные, от улыбки все лицо сияет. Я тоже улыбаюсь.

– Hola, – говорит он.

И не сводит с меня глаз так же, как я с него. Может, мне почудилось? Нет, вряд ли. Надеюсь, что нет. Никто и никогда еще не смотрел на меня вот так.

– Hola, – говорю я.

Не знаю, как быть дальше, поэтому снова улыбаюсь. Он смотрит мне прямо в глаза, и хотя мне хочется, чтобы это мгновение остановилось навсегда, отвести взгляд мне приходится первой. Надо вызвать лифт, пока не вышли мои родители и все не испортили.

Разрываю зрительный контакт и иду через маленький вестибюль, стараясь не упасть. Нажимаю кнопку «вверх» и оборачиваюсь. Парень все еще смотрит на меня. Наши взгляды снова встретились. Глазами я говорю все, что только могу, и он мне отвечает.

Потом коротко кивает, отворачивается и догоняет свою компанию.

Если бы в лифте со мной ехал кто-нибудь еще, он увидел бы, как девчонка стоит и улыбается зеркалу. Я чувствую себя так, словно хор херувимов с арфами поет мне серенады. В меня попал стрелой тот самый ангелочек. Я стараюсь отдышаться.

Мне надо поговорить с тем парнем. Не знаю, что я скажу, ну и ладно.

Лифт издает сигнал, я на одиннадцатом этаже. Отпираю наш номер, сажусь на постель и принимаюсь без конца воскрешать в памяти почти безмолвную встречу.

Он остановился в этом же отеле. Мне надо поговорить с ним. Он с двумя друзьями – парнем и девушкой. А я – с мамой и папой. Это может все здорово испортить.

Нет, ни за что не допущу.

Мне нужен только этот парень. Не знаю, сможем ли мы поговорить, но вдруг кто-нибудь из его друзей понимает по-английски.

Он сказал: «Hola».

Я сказала: «Hola».

Негусто, никаких выводов отсюда не сделать, но я проигрываю наш диалог в памяти вновь и вновь.

Он шел на завтрак в половине девятого. Завтра я тоже приду на завтрак в половине девятого и постараюсь исхитриться так, чтобы прийти одной, без родителей.

Платье, которое сейчас на мне, прихватила из дома мама, с ним все в порядке, но другой одежды у меня здесь нет. Платье лиловое, как мои волосы, сшито из такой же ткани, как футболки, и хотя оно очень простое, из обычного магазина и почти ничего не стоит, выглядит симпатично. Мне просто необходим сегодня же грандиозный шопинг, чтобы на следующий завтрак одеться понаряднее. Дома я всегда ношу одежду с длинными рукавами. Но здесь не выйдет. Придется рассчитывать только на то, что никто ничего не заметит. Носить длинные рукава – просто привычка, от которой надо избавиться.

А пока что я одна в комнате – самое время выяснить, что там в сейфе.

Я стою перед сейфом: чтобы открыть его, нужен четырехзначный код, так что мне, видимо, придется подбирать его и надеяться, что получится с первого же раза. Кроме разгадки тайны в сейфе лежит мой мобильник, а мне очень-очень надо заполучить его обратно. Пробую мой день рождения – 1711. Не сработало. Пробую год моего рождения, потом мамин, папин, но ни один код не подходит.

Что бы там ни было, родители позаботились, чтобы я ни в коем случае не увидела это загадочное нечто. Начинаю паниковать.

РАСКОЛОТИ ЕГО.

Голос возникает из ниоткуда. Я трясую головой. Не могу я его расколотить. Или могу?

ДА НЕ ТАКОЙ УЖ ОН И НАДЕЖНЫЙ. ТАК, ОДНА ВИДИМОСТЬ. МЫ ЕГО ЛЕГКО РАЗЛОМАЕМ.

Нам нельзя. Я не имею права. Оглядываюсь в поисках какого-нибудь инструмента – так, на всякий случай, и тут вдруг в дверь стучат. Бэлла отступает в тень, я смотрю на дверь, представляя шикарного парня за ней и позабыв про сейф. Он спросил у администратора, в каком я номере, и нашел меня.

Сейчас я открою дверь, а он стоит за ней, и я сразу же кинусь навстречу и поцелую его. Поцелую немедленно, не спрашивая его имени и ничего о нем не зная.

Откидываю волосы назад, принимаю позу с расчетом, чтобы подчеркнуть все достоинства фигуры, а может, и наоборот, это уж как получится, делаю глубокий вдох и открываю дверь.

– А-а, – я сникаю. – Это ты.

Папа смеется.

– А ты кого ждала?

– Никого. У нас же два ключа – разве нет?

– Два. И оба они здесь, в номере. Мы решили, что второй ключ на завтраке нам ни к чему.

– Элла, – вмешивается мама, – с тобой все хорошо, дорогая? Ты что-то бледненькая.

Я срываюсь на ней. Ничего не могу с собой поделать.

– Послушать тебя, так я всю жизнь бледненькая. У меня бледная кожа потому, что мы живем в холодной дождливой стране, и хоть сейчас мы в Бразилии, мы все равно сидим в четырех стенах и прячемся от дневного света. Как вампиры в Рио.

– Элла!

Я сразу сдуваюсь.

– Извини. Просто мне не терпится сходить куда-нибудь. Мы же в Рио, понимаешь?

Мама тоже идет на попятный. Обнимает меня и прижимает к себе так крепко, что я тычусь лицом в ее волосы.

– О, прости, дорогая! Понимаю, столько всего навалилось сразу. Давай немножко разберемся, что к чему, и выйдем на солнце. Я же знаю, как тебе хочется увидеть пляж, и днем там наверняка безопасно, если не брать с собой никаких ценностей. Неподалеку есть и торговые центры, и все такое, так что сначала посмотрим пляж, а потом попросим вызвать нам такси к отелю и поедем накупим тебе всего, что только понадобится, – она бросает на меня взгляд и снова отводит глаза. – А если тебе уже надоел этот цвет волос и ты хочешь вернуть себе прежний, чудесный и светлый, – только скажи! Устроить это проще простого.

Я хмурюсь. И не отзываюсь на последнее предложение.

– Одежды вполне достаточно, – говорю я. – Спасибо.

Постараюсь быть хорошей. Никаких вспышек и истерик, несмотря на то что мои родители – противные зануды, вечно отгораживают меня от мира и наверняка не дадут мне поговорить с тем парнем.

А я хочу поговорить с ним. И открыть сейф тоже хочу. Но поговорить с ним – все-таки больше. А еще мне нужна одежда.

Да, мама желает мне только добра, но мне ведь скоро восемнадцать. Они отпускали меня гулять по городу одну с одиннадцати лет, а теперь вдруг будто помешались на гиперопеке. Но мне не терпится выйти на солнце, увидеть пляж, подышать, осознать, наконец, что я на самом деле здесь, поэтому я беру себя в руки. А сейф попытаюсь открыть в другой раз, попозже.

– Спасибо, – говорю я и заставляю себя улыбнуться маме. – Извини. На пляж – это было бы замечательно. Спасибо.

От облегчения, которое на миг отражается у нее на лице, мне становится совестно.

Середина дня. Мы уже походили по магазинам, и теперь я сижу на самом настоящем, песчаном, роскошном пляже Копакабана со скетчбуком на коленях и рисую пляж, камни и горы с натуры. Солнце светит мне в лицо, я старательно изображаю, что полностью поглощена рисованием, а сама тайком прислушиваюсь к тому, как перешептываются родители. Сосредоточенно хмурюсь (на самом деле притворяюсь), и спустя некоторое время они начинают говорить чуть громче. Я напрягаю слух, чтобы различать слова, и слышу, как мама сообщает:

– В гостинице запросили целое состояние.

Папа отвечает:

– Ничего необычного, они всегда так делают.

Продолжаю слушать, но оказывается, что они обсуждают стоимость содержания Хамфри в недорогой кошачьей гостинице. Видимо, завтра придет наша помощница по хозяйству, Мишель, которую мама попросила заодно отвезти в гостиницу нашего кота. Бедный Хамфри. Готова поспорить, что он предпочел бы бродяжничать и охотиться, а не торчать в вонючем кошачьем приюте в запертой клетке, слушая вопли других кошек, громко возмущающихся людьми, которые почему-то отправили их в тюрьму.

Значит, мои родители вообще не планировали эту поездку. Мне стыдно перед Хамфри. По своей воле я бы ни за что не уехала, не попрощавшись с ним. Я бы приласкала его, поговорила с ним, объяснила, почему уезжаю и когда вернусь. Он будет скучать и по мне, и по Бэлле. А я сегодня провела без Бэллы почти весь день. И страшно рада этому.

Надо выяснить, что все-таки происходит.

И найти того парня.

Смотрю, как крошечный малыш плещется на мелководье. Копакабана совсем не такая, как я ожидала, хоть точно знала, как она выглядит, и в прошлом году даже нарисовала огромную картину с почти таким же видом. Я же рисовала с неподвижной фотографии, а теперь делаю наброски с натуры, и все вокруг удивительно живое. Кого тут только нет. Компания суперских парней в крошечных плавках носится туда-сюда неподалеку, и я не могу удержаться, чтобы не поглядывать на их скульптурные тела. Все они черные и лоснящиеся. Мышцы рельефно выступают под кожей, ни на одном нет ни унции жира. Они совсем не похожи на обычных людей – таких, как мои родители и я. Впервые вижу, чтобы человек в реальности выглядел так, как эта компания.

Снова вспоминаю парня в отеле. И каждой частицей своего существа хочу к нему.

Мама малыша берет его за руку. Мимо проходят торговцы, продают арахис и темные очки. Вдоль набережной – ряд маленьких кафе с едой, кофе и пивом. Здесь есть все, чего только можно пожелать. Мой рисунок прямо распирает от жизни, которую я втиснула в него.

Мимо пробегает женщина в крошечном купальнике, из которого все вываливается, а никому и дела нет. На любом британском пляже ее засмеяли бы, я точно знаю, а здесь никто даже внимания на нее не обращает.

Я дорисовываю мелкие детали бугристых скал, торчащих из воды. Вдалеке плывет дымка, то скрывая из виду, то снова открывая зеленые холмы.

– Приятно видеть тебя довольной, – говорит папа.

Я делаю вид, будто дуюсь, но ничего не получается, и оба смеются. С тех пор как мы здесь, мама заметно расслабилась, и это тоже приятно видеть, а я ведь на самом деле хочу, чтобы она была довольна и счастлива, потому что чем меньше она встревожена и напряжена, тем слабее ощущение опасности вокруг нас.

– Ты же всегда говорила, что хотела бы побывать здесь, – говорит мама, глядя на мой рисунок и улыбаясь.

Я киваю. Пусть думают, что этого достаточно, что Рио, солнце, коротенькие джинсовые шорты, топики, сандалии, скетчбук и карандаши, которых они мне накупили, помешают мне привести свой план в исполнение.

Откладываю скетчбук и улыбаюсь родителям.

– Ну вот, – говорю я, – теперь можно и достопримечательности посмотреть. Давайте сходим куда-нибудь.

Они смеются и переглядываются. Мама пожимает плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

2

York Notes – серия учебных пособий по произведениям, входящим в программу по английской литературе.

3

Статуя Христа-Искупителя.

4

Богоматерь Копакабанская.

Купить: https://telnovel.com/ru/barr_emili/vsya-pravda-i-lozh-obo-mne

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)